

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН ЛЕКАРСТВО ОТ СЧАСТЬЯ

Звездная лихорадка началась меньше года назад, а Столица Лавразии уже окончательно превратилась в царство пыли, мусора и плесени. Сквозь трещины в асфальте прорастала трава, а неухоженные скверы и парки заполонил бурьян. Недостроенные дома спальных окраин походили на осенние деревья: такие же беспомощные и жалкие.

Брошенные новостройки выглядели особенно неуместно рядом с яркими даже без ежегодной плановой покраски разноцветными домиками Первопроходцев или выложенными мозаичной плиткой небоскребами индустриального века. Впрочем, покинутые дома выглядят одинаково скверно независимо от времени постройки и степени готовности.

Суть проблемы заключалась в том, что в городе не осталось и десятой части населения.

Аэропорт, три года назад ставший заодно и космопортом, тоже опустел. Космические челноки постепенно вывезли с Планеты всех желающих, все необходимое продовольствие и сборочные конструкции для межзвездных лайнеров, после чего были включены в списки дополнительного оборудования построенных на орбите гигантских кораблей.

Почти четыре сотни грузопассажирских космических монстров, в спешке кое-как смонтированных, оборудованных и загруженных припасами, стартовали с орбитальной верфей навстречу новому, сверкающему миллиардами звезд и нафаршированному триллионами планет пространству по ту сторону тоннеля-червоточины, уникального космического явления, недавно возникшего чуть дальше Ареса, четвертой планеты на орбите Солнца-2.

Специальный агент Службы планетарной безопасности Совковский оторвал взгляд от белесой полоски на безоблачном небе и вздохнул. Только что вечерним космическим челноком на пассажирский лайнер «Колонист-390» улетела последняя партия отважных покорителей дальнего космоса.

— Поздравляю, — у входа в служебную зону космопорта поджидала Светлана, помощница агента.

— С чем? — Совковский поднял на нее удивленный взгляд.

— Щеткин улетел, и пока президент не назначит другого — вы директор СПб, — пояснила Света. — А он, мне кажется, кроме Щеткина доверяет только вам.

— А-а, ну да, — новый исполняющий обязанности директора Службы Безопасности выглядел озадаченным. Слово раньше и не задумывался над такой приятной, но ответственной перспективой.

Совковский вздохнул. Ему было завидно. Улететь к звездам, туда, где, судя по новейшим разведанным, ожидают освоения многочисленные пригодные для жизни миры, да не просто пригодные, а настоящие райские уголки... Это была мечта любого вменяемого человека на Планете. Потому, собственно, они все и улетели, оставив дома только нищих, сумасшедших,

калек и бродяг. Да еще ограниченный контингент технического персонала и сил поддержания правопорядка. В этот отстойник «слили» и всех проштрафившихся или не дослужившихся до приличных званий. Например, таких, как Совковский — еще вчера рядовой агент, а сегодня полномочный директор СПБ. Директор Службы, от которой осталось десять процентов личного состава, и которая теперь будет выполнять ту же функцию, что и патрульные полисмены.

Впрочем, нашлось утешение и для несправедливо наказанных штрафников. Весь этот поход к звездам был слишком поспешным, и с точки зрения разумного человека выглядел чистой авантюрой. Кое-кто, например Совковский, был даже полностью уверен, что это авантюра. Ведь финансировала «звездную лихорадку» компания «Космос плюс». А этой фирмой руководил известнейший аферист Федор Пустотелов. Какие он заработал на «исходе» деньги, наверное, не смог бы подсчитать ни один налоговый инспектор. Даже все министерство по налогам и сборам. Которое, впрочем, улетело в полном составе еще на «Колонисте-115».

Но кроме сомнительного «продюсерства» проекта существовали и другие нюансы. К примеру, какая-то подозрительно сказочная удача, выпавшая дальней космической разведке. Якобы ей удалось найти по ту сторону «червоточины» плотное шаровое скопление светил спектрального класса G2, и вокруг каждой звезды вращаются по три-пять шариков, как две капли воды похожих на Планету в свои лучшие времена — чистых, приятных для жизни и богатых природными ресурсами.

Поверить в такую историю могли только люди, попавшие под тяжелейший пресс массовой истерии, которую умело раздули все те же дельцы из компании Пустотелова. Истосковавшимся по дальнему космосу людям хватило намека, тощенькой, завалыщенькой надежды. Как-то сама собой появилась версия о том, что, возможно, одна из систем звездного скопления и есть Солнечная, а значит, там расположена потерянная Земля! И пошло-поехало.

Все, даже самые последние полудурки, прекрасно понимали, что это глупость, что звездное скопление абсолютно не походит на земной рукав Галактики, но эмоций после двухвекового заточения человечества на Планете было больше чем надо, и голоса разума никто не услышал. А Федор Пустотелов, ориентируясь на раздутый им же «спрос», мгновенно организовал «предложение»: несколько сотен грузовых и пассажирских челноков начали курсировать между Планетой и орбитальными верфями, где космостроительные компании того же Федора принялись выпекать, словно плюшки, грузопассажирские лайнеры. Без всякого предварительного заказа. Пустотелов точно знал, что реализует всю продукцию верфей. До последнего «ковчега». Бум с каждым днём и улетевшим кораблём только усиливался.

И вот все закончилось. Улетел последний челнок, а в полночь с орбиты собирался стартовать последний лайнер. Звездная лихорадка увлекла в неведомые дали большую часть взрослого населения Планеты. Причем

населения трудоспособного и, что важнее, трудолюбивого. Из оставшихся на Планете нормальных граждан этим качеством обладала едва ли половина.

Полиции и СБ предстояли не самые веселые деньки. Ведь кроме относительно безвредных изгоев, в полет к звездам не пожелали отправляться еще и многие члены преступного сообщества, а также истеричные экстремисты-социалисты и болтуны из свежесостряпанной «трансконтинентальной» Партии патриотов Планеты. И это создавало реальную проблему. Полиция уже не справлялась с уличными бандами, особенно на соседнем континенте Гондване, а карликовые силы СБ сбивались с ног в погоне за боевиками и ура-патриотами, как в Лавразии, так и за океаном.

В общем, что и говорить, наследство Совковскому досталось не очень. Дрянное наследство ему досталось. Проблемное.

— Президентские гвардейцы оцепили центр столицы, — негромко докладывала Светлана, прогуливаясь под ручку с новым директором по парковке перед терминалом. — Там патриотов нет. Но все районы правобережья под контролем «ППП». А на левом берегу роятся боевики-социалисты. Было уже два взрыва.

— А? — Совковский очнулся. — Ты что-то говорила? Извини, я задумался.

— Дело идет к перевороту, — резюмировала Света. — На этот раз Пустотелов перехитрил самого себя. Он заработал на звездной лихорадке почти все деньги мира, но куда он будет их вкладывать? Мировая экономика рухнула. Рабочих рук не хватает, приличного специалиста не нанять даже за миллион в месяц, поскольку все приличные и даже неприличные специалисты улетели. Предприятия стоят, товары дешевеют, а топливо и продукты дорожают. Без климатического контроля портится погода и снижаются урожаи. Если так пойдет и дальше, через полгода Федора скинут и назначат на его место какого-нибудь патриота.

— Если так пойдет, это случится раньше, — исправил Совковский. — А что мы тут топчемся? Где машина? Патриоты перехватили?

— Нет, — Света очаровательно улыбнулась. — Просто ждем приказа. Ведь теперь вы у нас босс, вам и решать.

— Даже насчет машины? — Удивился новый директор. — Поручаю это вам.

— Вы никуда не поедете, господин директор СРБ!

Было абсолютно непонятно, откуда вынырнули сразу десять или двенадцать незнакомцев. Никаких укрытий поблизости вроде бы не было.

— Почему? — Совковский среагировал мгновенно. Сказывалась оперативная закалка. Он прикрыл собой Светлану и прицелился в неизвестных сразу из двух стволов. — Как вы проникли на территорию закрытого объекта?

— Объект открыт, — один из незнакомцев пожал плечами. — Охрана с него снята, ведь больше здесь нечего охранять. Да вы расслабьтесь, Совковский. Мы же знаем, что директор СРБ вы случайный, так сказать, по

наследству. Против вас мы ничего не имеем. Просто подпишите рапорт об отставке и свободны.

— Вы патриоты?

— Да, мы члены политбюро Партии патриотов Планеты, — главный среди незнакомцев кивнул и указал взглядом влево. — Это наш секретарь, а там глава судебной комиссии. А я, разрешите представиться, председатель исполнительного комитета. Раздражаев Михаил Михалыч. Мы мирная делегация. Оружия у нас нет.

— Света, где машина? — Не спуская глаз с патриотов, спросил Совковский.

— Пойдите! — Возмутился Раздражаев. — Мы не закончили!

— А оружие у вас есть? — Мило наморщив носик, спросила Светлана.

— Я же сказал, что нет! В новом мире добра и справедливости оружие не будет иметь решающего значения! Партия патриотов Планеты установит новый порядок!

— А может, вас расстрелять? — Спросила Света, игнорируя его пламенную речь.

— Э-э... то есть? — Опешил патриот. — Как это?

— Вот так, — девушка вышла из-за спины Совковского и прицелилась в Раздражаева из своего пистолета. — Как это обычно делалось, пока не установился новый порядок.

— Не надо, — патриот побледнел.

— Тогда... — Светлана изящно взмахнула рукой, подзывая лимузин.

Но в следующую секунду послышался не шелест шин, а оглушительный грохот. У Совковского даже мелькнула мысль, что презирующий стрелковое оружие Новый Порядок делает исключение для взрывчатки. Директор невольно присел и оглянулся по сторонам. Все здания и сооружения вокруг были в целости и сохранности. Ничто не взорвалось и не рухнуло. Но грохот продолжался, и низкочастотная вибрация ощутимо отдавалась во всем теле.

— Что-о-о про-о-исхо-о-дит? — Продребезжал он, обращаясь к бледной от страха Свете.

Она, видимо не в силах стоять на высоких тонких каблуках, разулась и указала туфелькой в зенит. Совковский запрокинул голову к небу и обомлел. С небес на крошечный пятачок космодрома спускалась божья кара. Гигантская малиновая пуговица с четырьмя дырками-факелами посадочных двигателей.

— Это... «Колонист»?! — Ужаснулся директор. — Вернулся какой-то из лайнеров?

— Один из первого десятка, — согласилась Светлана. — Начиная с одиннадцатого, все они имеют по пять посадочных дюз.

2.

Паша Жутиков привык работать хорошо. Никаких особенных талантов за ним не числилось, но и на должности скромного санитара можно было

зареккомендовать себя ответственным и грамотным работником. Правильно взять носилки, рассчитать угол наклона, когда несешь больного по крутой, узкой лестнице, подобрать подходящих размеров шину или жгут, с полуслова понять, какой инструмент требуется врачу или на какую высоту поднять походную капельницу — всё это было тонкостями, доступными лишь опытному санитару «Скорой помощи». Коим Паша и являлся. За это его ценили и уважали коллеги, и по этой же причине он решил остаться на Планете, когда началась звездная лихорадка. Жутиков чувствовал, что несет огромную ответственность за свой участок работы, и не мог бросить на произвол судьбы тысячи страждущих. Когда на подстанции не осталось врачей и на все вызовы стали ездить медсестры, а иногда и одни санитары, доля Пашиной ответственности, как наиболее опытного сотрудника, увеличилась вдвое. А чуть позже и втрое. Когда дефицит кадров в учреждении стал просто катастрофическим.

Под занавес массового бегства граждан в космос, на тридцать экипажей с красным крестом осталось только пять санитаров и два шофера. И тут для Паши настал звездный час. Кроме него никто не умел накладывать повязки и шины, а еще только Жутиков освоил внутривенные инъекции. Таинство и вовсе сакральное.

Собрание персонала было кратким. Коллеги единогласно избрали Пашу главным специалистом подстанции и выделили ему персональную машину. Новый статус Жутикову нравился, но зазнаваться он не спешил. Паша продолжал ездить на вызовы и выполнял любую черновую работу.

Вот и сейчас, получив сигнал с космодрома, он, не задумываясь, развернул свою карету через узкий газон посреди проспекта и помчался спасать людские жизни. Под сиреной и мигалкой. Всё как полагается. Вой ревуна и красно-синие сполохи нравились Жутикову с детства. Еще прогуливаясь под присмотром бабушки по ясельной площадке, он уже мечтал мчаться в большой белой машине с красными крестами и непонятными надписями на бортах. Теперь мечта сбылась в полной мере. Он ездил на красивой машине, в белом халате, да еще и за рулем.

Экипаж скрипнул тормозами, и Паша, с врачебным чемоданчиком в руке, спрыгнул на горячий бетон посадочной площадки.

— Доктор, сюда! — Крикнул кто-то из-за опорной штанги остывающего космолета.

Громадина космического лайнера дышала жаром и громко потрескивала керамической обшивкой. В ее днище, между посадочными соплами и телескопическими опорными штангами, виднелся широкий люк, к которому был приставлен обычный самолетный трап.

— Доктор! — Снова позвал взволнованный голос.

Жутиков сначала хотел возразить, что он вовсе не доктор, но немного подумал и промолчал. В конце концов, когда речь идет о спасении человеческих жизней, как тебя величают — врачом или санитаром — не важно.

Паша бегом пересек горячую площадку и поднялся по накалившемуся трапу. Внутри корабля, в шлюзе, было прохладнее, но все равно душно. Пахло какой-то сыростью и гнилью, как в склепе. В голове у Жутикова даже промелькнула мысль о самом страшном. Очень уж сочетание запахов напоминало атмосферу морга. Дабы развеять либо подтвердить подозрения, следовало срочно что-то сделать. Иначе от страха и неопределенности можно было сойти с ума. Паша изредка смотрел фильмы ужасов, и сейчас обстановка в корабле напоминала ему как раз кадр из такого кино. Не хватало только мрачной, тревожной музыки.

Жутиков пересилил страх и шагнул из шлюза в коридор. Надо было держать себя в руках. В конце концов, запахи запахами, но пока нет трупов, нет и уверенности в печальном исходе.

Паша когда-то интересовался устройством лайнеров и потому целенаправленно двинулся в сторону жилых отсеков, но его перехватил возбужденный полисмен.

— Сюда!

Полицейский потянул Пашу вправо, и, сделав буквально по три шага, они оказались в кабине — просторном помещении с несколькими рядами удобных кресел. Во всех сидели люди в униформе космолота, но ни один из них не шевелился.

Скверные предчувствия усилились, и Жутиков струхнул окончательно. Он давно не боялся зияющих порезов, хлещущей из поврежденных артерий крови и торчащих из ран костей. Периодически встречавшихся на дорогах и в пустых квартирах мертвецов он не боялся тоже, но видеть сразу столько целехоньких трупов ему пока не доводилось. Его подстанция обслуживала относительно приличный район, где даже автодорожные происшествия случались редко и не носили массового характера.

— Они... умерли? — Растерялся Паша.

— Кто тут доктор, вы или я? — Удивился полицейский. — Крайний вроде дышит, а к остальным я не подходил.

— А есть тут еще кто-нибудь... из наших? — Неуверенно спросил Жутиков.

— Несколько агентов и делегация патриотов, — полисмен махнул рукой в сторону жилых отсеков. — Туда пошли. Но докторов нет. Кроме вас. Они меня на посту для того и оставили, чтобы врача первым делом к экипажу проводить.

— А-а, — Паша припомнил, как в трудных случаях вел себя давно улетевший доктор Шлюбкин. — Ну-с, посмотрим.

Произойди все это три или два... даже год назад, Жутиков ограничился бы поверхностным осмотром и многозначительным похмыкиванием. Максимум — пощупал бы пульс у одного-другого. А затем просто уселся бы у порога в ожидании врачебных указаний: куда нести пострадавших и кого из них выносить в первую очередь. Но теперь Паша был предоставлен только себе. И принимать решения, и исполнять предстояло ему одному.

Жутиков взглянул на ожидающего чуда полисмена и неожиданно для себя распорядился:

— Срочно соберите бригаду санитаров-добровольцев и вызовите все экипажи «Скорой».

Распоряжение получилось властным и не терпящим возражений. Настоящим таким. Значительным. Врачебным. Паша почувствовал волну эмоционального подъема. Быть доктором, пусть и без диплома, ему нравилось.

— Сделаем, — полицейский уважительно кивнул.

Уверенный тон «доктора» мгновенно испарил все сомнения полисмена в компетентности Жутикова.

— Потребуется дополнительный транспорт! — Крикнул ему вслед Паша.

— Сделаем! — Полицейский на ходу обернулся и утвердительно рубанул ладонью воздух.

Оставшись в одиночестве, Жутиков деловито осмотрелся и привычным движением откинул разболтанные замки чемоданчика. Ватка и нашатырь. Первое средство против отключки. Этот элементарный фокус Паша знал давно и всегда исполнял на ура. Смочив ватку резко пахнущей жидкостью, он склонился над крайним космонавтом. Лицо человека было бледным, глаза полуоткрыты, а губы плотно сжаты. Он действительно едва заметно дышал, а его пальцы впились в подлокотники кресла.

«Ступор, — решил для себя Паша. — Или сопор. Или кома...»

Чем отличаются друг от друга эти состояния, он знал весьма приблизительно. Среди санитаров они именовались одним емким словом «отключка». Иногда с уточнениями — легкая, глубокая или полная. Жутиков безрезультатно помахал перед носом у космонавта ваткой и пришел к выводу, что тот отключился полностью. Паша переместился к следующему креслу и повторил процедуру. Результат оказался тем же. Нашатырь на пациента не подействовал. Третьему пострадавшему санитар помазал виски и зачем-то верхнюю губу. За этим делом его и застали вернувшиеся из пассажирских отсеков агенты СБ.

— Как дела? — Поинтересовался агент-мужчина.

— Есть надежда? — Спросила женщина.

Санитар хотел ответить, но только изумленно вытаращился на женщину и беззвучно подвигал челюстью. Вот так в представлении Жутикова и должны были выглядеть недоступные и загадочные контрразведчицы. Женщина-агент была прекрасна и уверена в себе. Паша несколько секунд боролся с оцепенением и, в конце концов, соорудив многозначительную мину, разродился:

— Надежда есть всегда: либо на выздоровление, либо на хорошо написанный некролог.

Это изречение он подцепил все от того же невозмутимого доктора Шлюбкина. Правда, что такое «некролог», Паша так и не узнал — доктор улетел раньше, чем Жутиков догадался об этом спросить.

— А как насчет диагноза? — В кабину вошел еще один мужчина.

Растрепанный, вспотевший и без значка. К нему Жутиков сразу же проникся недоверием и даже брезгливостью. С высоты врачебного положения (пока никто не вывел его на чистую воду) Паша мог себе это позволить. Так он считал. Слово «диагноз», в отличие от «некролога», было ему знакомо, и пока угрозы разоблачения он не ощущал.

— Предварительный диагноз... — Паша в мыслях лихорадочно перебрал варианты и выбрал нужный при помощи детской считалочки про «эники-беники». Вареники ел ступор. — Я считаю, что все космонавты впали в ступор!

— Это я вижу, — согласился растрепанный.

Жутиков внутренне возликовал.

— Но в чем причина? — Удивилась прекрасная «девушка при исполнении». — Их всех оглушили? Или произошла утечка какого-то нервно-паралитического газа? Я понимаю, так сразу трудно определить, но все-таки, доктор, как вы считаете?

Паша едва удержался, чтобы не сострить: «я считаю от нуля до десяти». С точки зрения его друзей, шутка получилась бы искрометной и неожиданной, но, глядя на эту небесной красоты, неземной стройности и космической притягательности девицу, Жутиков решил воздержаться от всего, что могло бы выдать его образовательный уровень. Ему страшно хотелось оставаться для нее доктором.

— Думаю, это интоксикация.

Произносить это слово Паша научился еще в школе. Всего каких-то пять недель тренировки перед зеркалом — и пожалуйста! Интоксикация, деградация, протрация и кретинизм. Жутиков блистал на фоне приятелей крупным бриллиантом, запросто разбрасываясь такими сложными терминами направо и налево. Все его друзья и подруги были уверены, что «Пашка станет профессором, не иначе». Учителя, правда, придерживались иного мнения. Они применяли к нему последний термин из бриллиантового набора и прочили будущее, типичное для всех «подвальных дебилов». К сожалению, правы оказались не друзья и подруги, а именно учителя.

Но сейчас, в этой сложной и напряженной обстановке все могло измениться! Паша держал в руках самый настоящий хвост натуральной синей птицы. Выпустить его было глупо даже для кое-как пробившегося в дебилы кретина.

— Возможно, возможно, — задумчиво произнес потный в штатском. — Однако вряд ли на борту было достаточное количество газа или чего-то в этом роде. Ступор мог наступить вследствие магнитного удара, силового или гравитационного шока...

— Или они все чего-то наелись, — умно двигая бровями, вставил Паша. — Отравились.

— Да... — штатский кивнул. — В конце концов, интоксикация может иметь инфекционное происхождение. Не так ли, коллега?

— Раздражаев, вы тоже доктор? — Заинтересовался агент-мужчина.

— В прошлом я биолог, господин директор, — признался Раздражаев. — Смежный, так сказать, специалист. Но для подобных выводов необязательно быть врачом. Взгляните на этих несчастных! Они явно больны! Это заметно с первого взгляда. К тому же, как еще вы объясните, что многие тысячи находящихся на борту людей пребывают в абсолютно одинаковом ступоре? Лично я нахожу единственный ответ — они подцепили одну и ту же болезнь! Не так ли, коллега?

Жутиков поспешно кивнул. Сообразить, что все на корабле больны, он мог и сам. Этот Раздражаев просто опередил его с озвучиванием предположения. Всего-то на секунду. Или на минуту.

— А версия с магнитным ударом? — Заупрямилась девушка.

— Корабль надежно экранирован, — парировал растрепанный биолог.

— Отравление...

— Даже самые массовые отравления не бывают поголовными. Всегда найдется десяток брезгливых индивидов, которые будут питаться консервами и пить только синтезированную воду, какими бы фруктами ни соблазняла их новая планета.

— А этот... гравитационный шок? — Спросил агент.

— Это я для комплекта на ходу придумал, — сознался Раздражаев. — Лайнеры защищены от любых космических неожиданностей, а гипноз или словесное программирование по радиосвязи я исключаю как неумные фантазии. Значит, остается лишь одна приличная версия. Нечто проникло на борт через шлюзы, когда корабль сел на неизвестную планету. С газом мы уже определились — он не просочился бы во все отсеки, да и нет такого газа, чтобы вгонял людей в ступор на долгое время. Вот и выходит, что кроме микроба искать больше некого. Как я сразу и сказал. Сообразительность, помноженная на знания, — оружие гораздо более эффективное, чем ваши пистолеты. Впрочем, ни того, ни другого я вам не ссужу. Все равно не сумеете воспользоваться.

— Ботаник хвастливый... — с оскорбительными интонациями проронил агент. — А как узнать, что это за болячка, вы хотя бы примерно себе представляете?

— Ну-у... наверное, надо взять анализ крови, — Раздражаев почесал в затылке. — Вообще-то, если честно, нет. Но ведь у нас есть доктор! Коллега, вы же сумеете выделить патогенный микроорганизм, если таковой имеется, из крови пострадавших, не так ли?

— Так я... это... — не совсем понимая, чего от него хотят, замаялся Паша.

Этот «патогенный микроорганизм» был явным перебором. Слишком сложным даже для произношения. О понимании нечего и говорить. Стройное жутиковское мышление начало давать «понятийные сбои».

— Не будем терять время, — агент взглянул на часы. — Раздражаев, Света, назначаю вас помощниками доктора... как ваша фамилия?

— Жутиков, — пробормотал санитар. — Паш... Павел Петрович.

— Вот, поможете доктору Жутикову. Пока не разберетесь, в порту будет установлен строжайший карантин. Только звездной болезни нам на Планете не хватало. И так восемьдесят процентов трудоспособного населения потеряли, а тут еще космические микробы. И чтобы тишина! Выделяйте, лечите, но никаких интервью и репортажей. Все ясно?

— Но позвольте, господин директор! — Возмутился Раздражаев. — Я, как председатель исполкома Партии патриотов Планеты...

— Вы мобилизованы! — Отрезал агент-директор. — Тем более что были в контакте с больными, а значит, все равно от карантина никуда не денетесь.

— Но нам потребуется оборудование и... — предпринял еще одну слабую попытку патриот.

— Больница космопорта оборудована всем необходимым.

— Но...

— Дискуссия окончена! Я прослежу за вашим поведением лично! Только попробуйте ослушаться!

— Еще бы, — смирившись, пробурчал биолог. — Конечно, проследите. Лично. Вы ведь тоже попадаете под карантин.

3.

— Всех нам не разместить, — Раздражаев для вида перевернул пару страниц пухлого фолианта, по старинной традиции единственной бумажной книги на корабле — списков экипажа и пассажиров лайнера. — В больнице сотня коек, а их тут...

— Сто двадцать восемь тысяч, — подсказала Светлана. — Доктор, ваше решение?

— Так... это... — Паша потерял резинку висящего на шее фонендоскопа. — Тяжелых в палаты, остальных будем... э-э... наблюдать на месте.

— Согласен, — сказал патриот. — Только кто из них тяжелый, а кто легкий? Вам придется серьезно потрудиться, док, чтобы это определить.

— А... это... коллег больше нету? — Жутиков почувствовал, что краснеет.

— Из Юго-Западного округа выехали двое... педиатров, — сообщил так и оставшийся с карантинной командой полицейский. Он ехидно ухмыльнулся и подмигнул Паше: — Они пригодятся?

— Вы не о том подумали, — холодно оборвала его Светлана. — Это детские врачи.

— А-а, — разочарованно протянул полисмен и шмыгнул носом. — Еще у нас есть двадцать три добровольца. Из числа техперсонала и патриотов, которые проникли на космодром вместе с господином Раздражаевым.

— А оцепление? — Поинтересовался лысый.

— Оцепление будет оцеплять, — вмешался Совковский. — Его не трогать. Справимся сами.

— Придется таскать пострадавших на носилках, — предупредил Раздражаев. — Это тяжело.

— Доктор еще не решил, может быть, они все «легкие» и очнутся без серьезного лечения, — возразил директор. — Жутиков, вы когда начнете осмотр?

— Да, да, сейчас, — Паша торопливо кивнул. — Мне только... сестру надо и... помощника. Вот этого.

Он указал на Раздражаева.

— Они ваши, я ведь сразу сказал, — Совковский махнул рукой, указывая на Свету и биолога. — Начинайте.

Осматривать было легко. Жутиков отлично знал, что надо проверить пульс, послушать фонендоскопом сердцебиение и заглянуть в глаза, приподняв веки. Каким должен быть пульс в норме, он тоже знал. А вот что там слушают доктора в сердце и на кой черт заглядывают в зрачки, не представлял даже примерно. Не душу же изучают. Вроде как есть еще или уже улетучилась. Изображать врача ему давно расхотелось, но рядом была Света. Он не мог ударить в грязь лицом перед этой девушкой.

Даже будучи не самым умным на Планете человеком, Паша хорошо понимал, что шансов у него почти нет. Образованная, волевая, энергичная и прекрасная женщина из высших слоев общества и дитя подвалов, санитар «Скорой». Принцесса и пастух. Перспектива дохлее дохлой. Даже если все пострадавшие вдруг выйдут из ступора и эта медицинская победа будет записана в актив «доктора» Жутикова, тайна его настоящей личности все равно всплывет, и тогда... В общем, Светланы ему не видать в любом случае. И все-таки он надеялся.

«Надежда есть всегда...» Вечно пьяный врач Шлюбкин был все равно умнее вечно трезвого Жутикова. В этом Паша убеждался ежедневно на протяжении пяти лет, пока работал в бригаде Шлюбкина, а потому привык верить доктору во всем. Если тот любил это изречение, значит, в нем что-то было.

— Узнать бы, что у них в голове, — отвлекая Пашу от грустных мыслей, задумчиво пробормотал Раздражаев. — Заметьте, коллега, у всех примерно одно выражение на лицах. Они словно бы о чем-то мечтают. Вам не кажется?

— Типа того, — согласился Жутиков. — И пульса одинаковые.

— Что?

— Пульсы... — поспешно исправился Паша. — Э-э... пульс! Сто двадцать... в минуту.

— Ой! — Вдруг воскликнула Светлана. — Вот этот на меня смотрит!

Жутиков и Раздражаев подбежали к обнаруженному девушкой субъекту. Глаза у него были открыты и действительно следили за перемещениями спасателей.

— Ага, — обрадовался Паша. — Ожил, импотент!

— За что вы его так? — Укоризненно спросил Раздражаев. — А-а, понимаю, медицинский юмор! Раз не может ничего, кроме как наблюдать, значит... этот... Хе-хе. Да-а, метко.

Паше оставалось только многозначительно ухмыльнуться. Он покосился на Светлану и понял, что она тоже засчитала санитару не минус, а приличный плюс. На самом деле Жутиков ляпнул, не подумав. Просто выдал первый пришедший на ум научный термин. Взамен какого-нибудь радостного матюга. Среди санитаров материться таким образом считалось высшим пилотажем, и Паша от моды не отставал. За время работы он успел заучить не меньше двух десятков подобных словечек, значительно продвинувшись, таким образом, вперед по сравнению со «школьной программой». А перед самым вызовом он как раз учил похабнейшее слово «импотенция» и его производные.

— Сам... ты... — медленно произнес космонавт.

— Ну, слава богу! — Раздражаев всплеснул руками. — Может, и остальные скоро очнутся?

— Значит, никакая это не инфекция? — Спросила Света.

— Третья... атака... — прошептал космонавт.

— Извините? — Не поняла девушка.

— Третья — что? — Присоединился патриот.

— Всё, — ещё тише пояснил колонист. — Кто ушел, тот уже не вернется. Если выживет.

Сказать, что никто не понял из его загадочной речи ни слова, было бы неточно. Слова все прекрасно понимали. Вот только смысла не улавливали.

— Болезнь... — торопливо заговорил Раздражаев. — Что за эпидемия вас настигла?

— Счастье, — губы космонавта вдруг посинели, а глаза закатились.

Паша поспешно ухватил его запястье, но пульса не нашел.

— Умер, — констатировал санитар.

— От счастья?! — Изумленно спросила Светлана. — Их надо срочно спасать. Иначе они все умрут!

— Как? — Раздражаев пожал плечами. — От счастья нет лекарств.

— Разве вы не понимаете, что это был горячечный бред! Потрогайте его лоб... нет, не его, вот этого соседа. У них у всех лихорадка! Доктор, ну вы-то видите, что это эпидемия?! Делайте что-нибудь! Уколы, капельницы, клизмы. Хоть что-то!

— Литическую смесь внутривенно, — вспомнил Паша коронное средство Шлюбкина. — Собьем эта... температуру, а там посмотрим.

— А-а, помню, когда-то видел, как делают такую смесь, — блеснул Раздражаев.

— Вот и смешивайте, — сориентировался Жутиков. Он-то как раз ничего такого не видел. Медсестра из шлюбкинской бригады его в свои таинства не посвящала. Колдовала над чемоданчиком с ампулами, ведьма, в полном одиночестве. — Смешивайте, а я буду вводить. Да побыстрее! Время дорого!

Он победно покосился на Свету. Та благосклонно улыбкунула.

Примерно через пять минут вспотевший Раздражаев наконец ухитрился смешать в одном шприце три нужных ингредиента, и Паша засучил рукава. Запаса лекарств хватило на десять инъекций. Пока Совковский связывался с медслужбой СБ, заказывая дополнительные препараты, в сознание пришли еще трое космонавтов. Один из получивших дозу жаропонижающего и двое очередников.

— Мы... в корабле? — Пару раз чихнув, удивился «привитый». — Я... не понимаю. Как?

— Как вы здесь оказались? — Угадала Света. — Наверное, вы никуда и не выходили.

— Этого не может быть! — Возразил космонавт, утирая рукавом хлюпающий нос. — У вас платка нет? Спасибо. Мы прилетели на новую планету. Мы назвали ее... Мы ее назвали... Извините, путаются мысли. Мы основали там много колоний. На местах древних поселений. Я жил в... Главном городе. На берегу Большой Возвратной реки.

— Все еще бредит, — посочувствовал присевший рядом Жутиков.

— Доктор! Эти двое... они... отходят! И вон те трое «привитых» тоже!

— Черт! — Паша вскочил на ноги. — Пять трупов в минуту?!

Директор, где ваши... бл... посыльные?!

— Бесполезно, коллега, — печально прервал его Раздражаев. — Трое из умерших получили свою порцию смеси. Но, как видите, это не помогло. Сбивая жар, мы их не спасем. Надо искать средство против болезни, а не ее наглядных проявлений.

— Кто-то умер?! — Забеспокоился космонавт. — Кто-то из... экипажа?

— Спокойно, — Жутиков похлопал его по плечу. — Вам это не грозит.

— Вы уверены?

— Нет, но все умершие вели себя иначе. Отбрасывали копыта, не приходя в сознание. Ну, или приходя, но ненадолго. А вы уже пять минут на мою помощницу пялитесь. И жар у вас спадает. И базар... э-э... речь связная. Проскочите.

— Все равно я не понимаю, — признался пилот, смущенно высморкавшись в подаренный Светланой платок. — Я не сплю?

— Определенно, — подтвердила Света.

— Мы снова на... Планете?

— Именно так, — поддакнул Раздражаев.

— Но как такое могло случиться? Кто направил лайнер обратно? И как мы могли в него сесть? Ведь мы так прочно обосновались на новой колонии! Все корабли стояли на консервации. Никто не собирался их активировать. Меня, например, вовсе не тянуло обратно на Планету. Наша новая колония — это просто... рай! Зачем нам было возвращаться? Исключено!

— Вас могли заставить или обмануть, — предположил молчавший ранее Совковский. — Или погрузить на борт в бессознательном состоянии.

— Я же не бревно, чтобы меня грузить! — Гнусаво возмутился космонавт. — Чертов насморк! У вас капель в нос не найдется?

— Пойдите, — сказал Раздражаев. — Один из ваших товарищей говорил что-то о третьей атаке. Что это означает?

— Атака? — Удивился колонист. — Никаких атак у нас не было. Да и не могло быть. Мы жили тихо и мирно. Вы не представляете, какая там фантастическая природа! А какой воздух! Воевать в раю... это глупо. У нас было все, что мы хотели, освоение неизведанных просторов давало нам полный комплекс ощущений. Был и азарт, и приключения, и все остальное. Мы жили полной, интересной жизнью. Без всяких там атак и войн. У нас даже преступности не было.

— Все стали ангелами? — Удивилась Света.

— Нет, зачем? Просто нам нечего было делить, — космонавт огорченно вздохнул. — Неужели... все оказалось сном? Не может быть!

— Если ваши слова подтвердит хотя бы один из коллег, мы вам охотно поверим, — заявил Раздражаев. — Ведь сны на самом деле явление индивидуальное. В отличие от массовой колонизации.

— Мне все равно, поверите вы или нет, — удрученно сказал пилот, махнув мокрым платком. — И вовсе необязательно ждать подтверждения от других колонистов. Вы можете заглянуть в бортовой журнал.

— Действительно, — опомнился Совковский. — Как же мы раньше-то... Какую кнопку следует нажать?

— С пиктограммой «книжечки», — космонавт снисходительно усмехнулся и чихнул. Прямо на Совковского.

Директор поморщился и активировал ходовой пульт лайнера. Когда «Колонист» ожил, Совковский вывел на большой экран «окно» бортового журнала и нашел виртуальную закладку под названием «Посадка».

— Здесь сказано, что космолет «Колонист-9» совершал всего одну посадку, — спустя минуту задумчиво произнес Совковский.

— Я говорил то же самое, — согласился пилот.

— Не совсем, — возразил директор. — Речь идет о посадке на Планету. Это произошло полчаса назад.

— Чушь! — Космонавт подался вперед, но силы его оставили, и он снова откинулся на спинку кресла. — Этого не может быть! Вы хотите сказать, что мы три года просидели в своем корабле?!

— Скорее, пролежали, — подсказал Жутиков. — В креслах. Вот как сейчас.

— Бред! Я вам не верю! Мы жили на колонии...

— Ну-ну, — скептически «подбодрил» его Совковский, — заканчивайте. Жили на колонии... Название, любезнейший. Как она называлась?

— Я не помню, — сдался пилот. — Может быть просто Колония?

— Все-таки нам придется допросить кого-то еще, — сделал вывод агент.

— Если успеем, — Паша поднял и отпустил руку еще одного колониста. Она безвольно упала на подлокотник. — Скоро все перемрут.

— Надо срочно выявить причину болезни! — Завел прежнюю пластинку Раздражаев. — А кто куда садился и где жил, выясним позже. Доктор, условное выздоровление этого колониста можно считать лучиком надежды, не так ли?

— Ну-у...

— Так давайте обследуем больного более детально. Вдруг из его крови можно выделить анти... что там... уже не помню... антиген? Нет... а-а... вспомнил! Антитела! Так? Иммуноглобулины?

— Ну-у... — Жутиков вспотел. С каждой секундой роль доктора становилась все более тягостной. — Так, если это...

— Если это вирус, — подсказала Света. — Надо перенести пилота в лабораторию.

— Перенесем, — вмешался Совковский. — Только сначала выясним, кто и, главное, когда дал кораблю команду возвращаться.

Он немного помучил компьютер и сдался.

— Там... файл «команды»... — слабым голосом подсказал космонавт и снова высморкался, теперь уже громко, без стеснения, на весь отсек.

— Я уже нашел, — агент озадаченно потер подбородок. — Получается, что приказ был отдан капитаном на двадцать первый день полета. Если считать по корабельному времени. По времени Планеты это случилось полтора года назад. Выходит, вы просто летели, летели, а потом вдруг ни с того, ни с сего развернулись и отправились обратно? Н-да. Странно.

— И не было никаких посадок? — Уточнил Раздражаев.

— Нет.

— А стыковок? — Спросила Светлана. — С посторонними... кораблями.

— Тоже нет, — Совковский полистал журнал. — Был выход в открытый космос для починки антенн, но...

— Вот вам и причина, — поспешил указать Раздражаев. — В этот момент микробы и проникли на борт!

— Выход обычно осуществляется через шлюз! Его конструкция не позволяет посторонним частицам проникать на борт, — слабо выкрикнул пилот. — К тому же в космосе никакие микробы не живут.

— А вирусы? В таких специальных суперкапсидах. Они очень живучи, — возразил патриот-биолог. — Космонавты могли принести их на скафандрах.

Колонист поморщился и устало прикрыл глаза. После продолжительной лихорадки неизвестного происхождения, да еще осложнившейся банальным насморком, чувствовал он себя очень неважно и к долгим дискуссиям был явно не готов.

— Мы лечить их будем или как? — Пробурчал Жутиков. — Чего вы прицепились-то?

— Понимание происхождения болезни может оказать нам неоценимую помощь в ее излечении, — изящно жестикулируя, высказался Раздражаев. — Вы не согласны, коллега?

— Все равно не понимаю, что заставило капитана изменить курс, — сказал Совковский. — Сбрендил, что ли, от высокой температуры? Нет, тут должна быть более весомая и понятная причина.

— Капитан опасался, что корабельные врачи не справятся с эпидемией, и принял решение вернуться туда, где его экипажу смогут оказать квалифицированную помощь, — выдал очередную версию Раздражаев.

— Возможно, — согласился директор. — Хотя непонятно, почему он не запросил помощи у своих пассажиров или экипажей прочих кораблей. Среди колонистов наверняка нашлись бы любые специалисты. И вирусологи в том числе. До ближайшего корабля, к слову, было десять световых минут. Стоило капитану немного сбросить ход, и «Колонист-10» нагнал бы этот лайнер в два счета. Почему он этого не сделал?

— Потому, что все это время мы жили на своей новой планете, — снова очнулся простуженный пилот.

— Но как же показания бортового компьютера, уважаемый? — Совковский постучал пальцем по дисплею. — Это факт. Прямая улика.

— Значит, капитан отключал все системы на время стоянки, — ответил космонавт. — Например, чтобы скрыть находку от прочих экипажей.

— Фу, как некрасиво, — фальшиво возмутился агент. — Разве такое практикуется в космофлоте?

— Соблазн был слишком велик, — пилот пожал плечами.

— А капитан, случаем, не вы? — С профессиональным подозрением поинтересовался агент.

— Нет, я второй навигатор.

— И вы ничего не знали об изменении курса?

— Мы сели на пригодную для жизни планету! На этом моя работа закончилась.

— То есть во время обратного полета вы были пассажиром?

— Я ничего не помню о полете обратно! — Космонавт опять громко чихнул. И опять почти на директора. — Оставьте меня в покое!

— Эта... директор... — Жутиков шагнул вперед, стараясь оттеснить Совковского от обессиленного навигатора. — Больному нужен покой.

— Разбудите кого-нибудь еще! Найдите капитана! Он вам скажет... — выглядывая из-за Пашиного плеча, крикнул пилот.

— Кирилл... — вдруг слабо позвал кто-то из дальнего угла кабины. — Воды.

— Момент истины, — глубокомысленно заметил Раздражаев. — Сейчас все узнаем.

С места он при этом не сдвинулся, отдавая почетную роль первого обладателя истиной Светлане. Девушка подхватила бутылочку с водой и упорхнула к страждущему.

— Где мы? — Спросил пришедший в себя человек и закашлялся.

— В безопасности, — помогая ему напиться, ласково ответила Света.

— Я шел домой, было поздно, и вдруг... и вдруг завывли сирены... вспыхнули прожектора. Это были старые боевые компьютеры землян... кто-

то включил питание их наступательных систем. Наверное, по неосторожности. А после были взрывы... тысячи ядерных взрывов! Это было так страшно и так... прекрасно. Но вы ведь и сами знаете. Кирилл! Я слышал твой голос! Ты тоже в этом бункере?!

— Тоже, — буркнул навигатор. — Только это не бункер, Вася, а «Колонист-9».

— Нас успели эвакуировать? А кто еще уцелел? Диана, Марго, Адам...

— Только мы.

— Только?! — Человек поднялся на локте и поискал взглядом Кирилла. — Это... ужасно! Нам было так здорово на Земле, и вдруг такой... кошмар.

— На Земле?! — До сих пор помалкивавший в сторонке офицер полиции присвистнул. — И то верно. Чего мелочиться? Если уж бредить, то бредить по-крупному.

— Убедились? — Навигатор уставился на Совковского.

— Вы тоже были на Земле?

— Я... не помню, как мы называли колонию.

— Странно. Вам не кажется?

Пилот упрямо покачал головой.

— Возможно, Вася решил для себя, что он на Земле. Многие в это верили. Города, дороги, коммуникации — все было очень похожим на сделанное людьми, но мы так и не встретили ни одного аборигена. На Земле должны были жить люди, а на новой колонии их не было.

— Допустим. И все же меня смущают два нюанса. Во-первых, у вас не лучевая болезнь, а обычная лихорадка. Грубо говоря, тяжелый атипичный грипп. Это аргумент против того, что вас вывезли в бессознательном состоянии с гибнущей в ядерном пожаре Земли. Во-вторых, чтобы прервать работу всех автоматических регистрирующих систем корабля, надо отключить его реактор и двигатели. Как, в таком случае, вы сели на Землю? На парашютах?

— Сначала сели, а затем...

— Неверно! В памяти машины нет данных о торможении, выходе на орбиту вокруг «Земли» и о посадке. Выключись кибермозг после — они сохранились бы обязательно!

— Но вы же слышали рассказ моего товарища! Он помнит то же, что и я! Даже чуть больше. Я отключился во сне, видимо, еще в первые минуты ядерной бомбардировки, а он...

— Это меня и беспокоит больше всего, — признался Совковский. — С ума обычно сходят поодиночке, а у вас наблюдается какой-то особый случай. В плане потенциальной опасности для Планеты — биологической опасности — признак весьма тревожный.

— Особенно если это подтвердит еще хотя бы десяток членов экипажа или колонистов, — заметил Раздражаев. — Сколько их тут, вы говорили, Светлана, тысяч сто?

— Сто двадцать восемь.

— Представьте себе, Совковский! Сто двадцать восемь тысяч! Пусть после этих «тройных атак» коварной лихорадки выживет лишь половина, даже треть... Сорок тысяч сумасшедших с особенным, одинаковым бредом!

— Или больше, — Жутиков шмыгнул носом.

— В смысле? — Биолог обернулся к санитару.

Паша снова шмыгнул, затем достал платок и смущенно высморкался.

— Вы опасаетесь, что мы тоже могли заразиться? — Предположила Света.

— Нет, я... про другое, — Жутиков сделал шаг в сторону и открыл взглядом товарищей единственный в левом борту кабины иллюминатор.

Посадочная площадка, насколько хватал глаз, была забита огромными, светящимися раскаленной металлокерамикой тушами лайнеров класса «Колонист». Десятки чудовищных громадин заняли не только всё свободное место на космодроме, но и втиснулись между ангарами и вспомогательными сооружениями и даже накрыли своими тенями ближайшие жилые кварталы.

Но и это было еще не все. «Колонисты» продолжали падать с темнеющего вечернего неба один за другим. Почти без интервалов.

4.

— Какой, к черту, карантин?! — Орал в видеофон Совковский. — Всех на космодром! Если потребуется, сгоняйте силой! И нищих, и калек, и бродяг. Всех, кого найдете!

— Да, соберите всех. Проверьте по партийным спискам. Медиков — в первую очередь, — спокойно уточнял в другой видеофон Раздражаев. Видимо, его абонент был более понятлив. — Врачей, сестер, санитаров. Да... да, и всех остальных. Поголовно, вместе с семьями. Потребуется рабочие руки.

— Я из штабного космолета звоню, Федор Иванович, — по третьему каналу лично президенту Пустотелову докладывал офицер полиции космопорта. Голос у полицейского был болезненно-хриплый. — Тут такое творится... полный завал! Что? Нет, у меня не звездная болезнь. Хриплю? А-а... это я на сквозняке тут дежурил. Ничего страшного, обычная простуда. Зато у колонистов, врачи говорят, сильно тяжелая болезнь. Да, смертельная. Требуются дополнительные силы. Иначе все колонисты перемерут, а какой-нибудь лайнер, не дай бог, еще и взорвется. Они ж почти друг на дружку садятся. Автопилотам-то все равно, куда приземляться, они не соображают, что площадка занята.

Жутиков, Света и подросшие педиатры тем временем трудились в поте лица. С плеч Паши наконец-то упала тяжеленная гора ответственности, и он вздохнул свободно. Выполняя приказы врачей, он снова был в своей тарелке. С государственных резервных складов помощники Раздражаева привезли кучу каких-то препаратов, врачи тут же назначили всем пациентам лечение по полной программе и принялись за работу. Ничуть не заботясь о том, что помощников у них маловато и часа через два они свалятся, как загнанные пони.

Что и случилось, правда, на полчаса позже намеченного срока. Паша отвел в изолятор десятого выжившего, но страшно удивленного тем, что очнулся в корабле, космонавта и, вернувшись в «Колонист-9», буквально рухнул в свободное кресло рядом со старательно выполняющей предписания врачей Светланой. Девушка выглядела бледной и уставшей, глаза лихорадочно блестели, а руки заметно дрожали. Впрочем, это не мешало ей уверенно орудовать инъектором.

— Присядь, отдышись, — посоветовал Жутиков, утирая со лба крупные капли пота.

Света бросила на санитаря короткий взгляд и отрицательно покачала головой. Впрыснув лекарство в плечо очередному пациенту, она вдруг встрепелась и снова взглянула на Пашу.

— Ты в порядке?

— Я? — Удивился Жутиков. — А что?

— Бледный, как халат.

— Притомился малость, — Паша махнул рукой. — Ерунда. Сейчас посижу минутку, и снова в бой. Ты, кстати, тоже не румяная.

— А ты мастер на комплименты, — Светлана усмехнулась.

— Нет, ну... я же... с медицинской точки зрения, — Паша смутился, но так и не покраснел. Даже наоборот — стал еще бледнее, и в финале его лицо приобрело совсем уж нездоровый землисто-серый цвет.

— Эй, док, а ты случайно не заразился? — забеспокоилась Света.

— Нет, что ты! — Жутиков снова взмахнул, теперь обеими руками. — Меня никакие заразы не берут! Я от всех болезней привит и вообще закаленный.

Он бодро встал, но тут же рухнул обратно в кресло.

— Павел, — Света строго взглянула на санитаря и потрогала ему лоб, — у тебя жар!

— Ерунда! — Убежденно ответил Жутиков. — Сейчас еще минутку посижу...

Он закатил глаза и уронил голову на плечо. Его бледное лицо приобрело довольно странное выражение для потерявшего сознание человека. словно бы Жутиков о чем-то мечтал.

— Раздражаев! — Испуганно крикнула Света. — Сюда!

— Что случилось? — Патриот откликнулся на ее вопль мгновенно.

Сориентировался в произошедшем он тоже достаточно быстро. — Вот беда! Подцепил-таки доктор «импотенцию»! Надо срочно организовать профилактические прививки добровольцам и медикам. Не то скоро нас самих придется спасать. А сделать это, если полягут помощники, будет некому. Процент печальных исходов среди колонистов растет. Что вы меня слушаете? Я же могу часами трепаться! Колите ему лекарство!

Света поспешно кивнула и попыталась поднять инъектор, но нетяжелая, в общем-то, вещица вдруг выпала у нее из руки. Девушка попыталась ее поднять, но неожиданно для себя упала на колени.

— Голова кружится, — смущенно улыбнувшись, прошептала она.

— Ах, как некстати, — запричитал Раздражаев, усаживая Свету в кресло рядом с отключившимся Пашей. — И вы туда же?

— Нет... я... сейчас... минутку посижу...

Взгляд ее остановился, а на лице появилась типичная мечтательная улыбка.

— Тоже залипла, — поставил диагноз подошедший Совковский. — Ну, а вы что стоите, Раздражаев? Теперь ваша очередь брать иньектор. Лечите.

— Да, да, — биолог поднял приборчик и впрыснул сразу по две дозы и Паше, и Светлане. — Только это все как мертвому припарка. Извините. Одна надежда, у них первая атака из трех. Возможно, не такая опасная, как третья.

— Увидим, — Совковский нахмурился. На доктора Жутикова ему было откровенно плевать, а вот Светлана значила для директора достаточно много. Кроме того, что она была квалифицированным агентом и правой рукой Совковского во всех делах, он имел относительно ее более обширные планы. — Лечите! Раз выжили те космонавты, значит, есть шанс и у других.

— На данную минуту мы вытянули десятерых, — негромко напомнил Раздражаев. — На сотню умерших. А еще многие тысячи находятся на грани. Статистика неутешительная. Причем это данные только по «Колонисту-9». Сводки по другим кораблям проходят мимо меня, но я уверен, что там ситуация не лучше. Так?

— Так, — признался Совковский. — Врачебные бригады скачут от корабля к кораблю, но космонавтам становится лишь хуже.

— Значит, разумнее всего будет настроиться на непоправимое.

— Нет, — директор твердо взглянул на биолога. — Если не выведете этих двоих из ступора в ближайшие два дня или вовсе, не дай бог, упустите, я вас пристрелю.

Раздражаев хотел, было возмутиться, но осекся и покорно кивнул. В угрозу агента он почему-то поверил. Наверное, потому, что видел, с какой тоской тот смотрел на «залипшую» в странный мечтательный ступор Светлану.

* * *

Багровое небо было не слишком высоким, но и не низким. Никаким. Да и на небо оно походило лишь тем, что находилось над головой. А еще оно мерно пульсировало. Прямо всем своим куполом. Он становился то ближе, то дальше. На неуловимое для глаза расстояние и бесшумно. И уж совсем странными были тонкие ветвящиеся прожилки по всему небосклону. Некоторые ветви этих прожилок были просто чуть темнее общего фона, а некоторые отливали синевой. И никакого солнца или луны. Красные небеса равномерно светились, окрашивая подлежащее пространство в соответствующий колер.

На психику такая одноцветность пейзажа действовала угнетающе. Паша присел, провел рукой по бурой шелковистой траве и заглянул в алую лужицу. Трава была сухой, значит, лужа не имела отношения к дождю, который угадывался почти у горизонта. Далекие красные струйки падали на

почву прямо с «жилистого» неба, с такого расстояния напоминая карандашную штриховку. Никаких туч над горизонтом Павел не рассмотрел.

Санитар встал и окинул взглядом остальное пространство. Если не считать неба, в прочих деталях странный мир напоминал привычный, только видимый через красный светофильтр.

Паша стоял на невысоком холме. Поле, которое начиналось ниже холма, примерно через километр упиралось в смешанный лес. Правее лесной опушки возвышались какие-то строения довольно необычной формы — похожие на виноградные грозди или комки попкорна, слипшегося от пролитой кока-колы.

Еще правее — санитар развернулся на девяносто градусов — угадывался берег довольно широкой реки. Ее алые воды неслись стремительно, но странными толчками, в том же ритме, в котором подпрыгивало небо. Высокие волны бежали друг за другом на равном расстоянии, и гребни их были вытянуты строго поперек русла.

Новый поворот на четверть окружности — и перед взором предстал недалекий горный массив. Точнее, нечто похожее на горы: сложенное из бухт толстых канатов и покрытое воском. Наверняка, чтобы взобраться на «это», потребовался бы немалый альпинистский опыт и куча снаряжения. Впрочем, Паша никуда карабкаться не собирался.

Он закончил осматриваться и вернулся в исходную позицию. Дождь у горизонта прекратился, и теперь было хорошо видно, что, насколько хватал глаз, в ту сторону простирается болото. С кочками и коварными топями, всё как полагается.

Вывод напрашивался сам собой: идти следовало вправо, к загадочным строениям. Если, конечно, вообще следовало куда-то идти.

Паша глубоко задумался над этой сложной проблемой и не заметил, как к нему на холм взобрался еще один человек.

— Видок, — скептически сказал незнакомец прямо над Пашиным ухом. — В этой заднице и с ума недолго сойти. Дикая места.

— А? — Санитар растерянно оглянулся. — Здрасьте.

— Привет, Пабло. Чего смотришь, словно только вышел из леса?

— Мы знакомы? — Удивился Жутиков.

— Теперь — да, — мужчина снисходительно улыбнулся и протянул руку.

Был он невысоким, лысым, как коленка, с крупным носом и черными блестящими глазками под густыми бровями. В целом — тролль да и только, разве что уши не торчком. И одет так себе. В какой-то летний костюмчик: рубашка, брюки, сандалии — все явно госпошива. На Планете такие одеяния, только не пурпурные, а серые, раздавали в качестве гуманитарной помощи во всех подвалах.

Паша пожал ему руку. Ладонь нового знакомца была сухой, а пальцы цепкими.

— Жутиков, Паша.

— Глюков, Сан Саныч. Первый раз здесь, Жутиков Паша?

— Ну, — санитар кивнул и отвел взгляд, чтобы скрыть ухмылку, которую вызвала смешная фамилия этого Сан Саныча.

Паша за свою долгую службу на «Скорой» не раз встречал людей с диковинными фамилиями, например, Дуракис, Сукин или Плюхан, но Глюков, с медицинской точки зрения, было смешнее.

— Тогда идем, покажу тебе достопримечательности, — Глюков махнул рукой в сторону болота.

— А я собирался туда пойти, — Паша указал на строения. — Чего на болоте-то делать?

— Как это чего? — удивился лысый. — Город в той стороне. А это всего лишь ферма. Ишерихий коли тут разводят.

— Ишаков колли? — Не понял Жутиков.

— Вроде того, — Сан Саныч рассмеялся. — Но ты ведь санитар, так? Тебе надо работу по специальности подыскать. А это только в городе. Пройдем по краю трясины, через тысячу шагов свернем налево, вон за ту гору, и сядем в лодку. Там Большая Возвратная река течет. Мигом до города домчимся.

— Бесплатно? — Настороженно спросил Паша. — У меня денег нет.

— Тут все бесплатно, — Глюков снова улыбнулся. — Или ты мне не доверяешь?

— Пока не знаю, — Жутиков шмыгнул носом. — Зачем вам это?

— Что?

— Ну, помогать мне, зачем?

— Добрый я, — Сан Саныч притворно вздохнул. — А если серьезно — такая у меня работа. Проводником тружусь, гидом. Экскурсии обслуживаю, частных визитеров сопровождаю, ну, и по мелочи.

— Ладно, — сдался Паша, — не стоять же тут вечно. Ведите.

Лысый радостно похлопал Жутикова по плечу и, расхваливая местную природу, направился вниз по склону. Паша слушал его вполуха, думая о своем. Непонятное местечко уже не казалось ему странным, но беспокоило санитаря одно загадочное обстоятельство: он никак не мог вспомнить, как сюда попал. Он отлично помнил свою прежнюю жизнь, вплоть до вызова на космодром, но что там стряслось и что было после приезда на вызов — как отрезало. Просто ехал под сиреной и мигалкой, а потом — бац! — и оказался на холме под красным небом.

— А на будущей неделе зацветут орхидеи, — вещал неутомимый Глюков. — Прекрасное зрелище! И вони поубавится. Впрочем, в Главном городе никогда не воняет. Там все чисто и красиво. Мосты, каналы, небоскребы и другие шедевры архитектуры. Цивилизация, одним словом! Не то, что здешняя, пардон, прямая кишка.

Жутиков потянул носом. Чем ближе к болоту, тем менее приятными становились витающие вокруг запахи. У самой кромки трясины воняло, как в деревенском нужнике. Паша скривился и прикрыл нос рукой.

— Ничего, три-четыре глубоких вдоха, и привыкнешь, — пообещал проводник. — Это «ишаки», хе-хе, так потрудились. Отходы с фермы в

болото сливаются. А ближе к реке снова будет хорошо дышаться. Там на берегу изумительное разнотравье. Цветет круглый год.

— У вас тут что, зимы не бывает? — Удивленно уточнил санитар.

— У нас, — исправил Глюков. — Теперь ты полноправный житель этого мира. Нет, зимы не бывает. Всегда тепло. Тридцать девять с половиной градусов.

— Да? — Паша зачем-то пощупал свой лоб. — А кажется, что не так жарко, от силы двадцать пять.

— Это кажется, — Сан Саныч пошарил в кармане и протянул Жутикову ртутный медицинский термометр. — Вот, убедись.

Паша повертел вещицу в руках, рассмотрел серебристо-багряный столбик жидкого металла в ее недрах и вернул Глюкову. Действительно тридцать девять и пять. Странно, зачем этот гид таскал в кармане градусник? А еще — почему на термометре нет красной предупреждающей отметки напротив цифры «37»? Хотя тут все красное, как ее разглядишь?

Проводник снова пустился в пространные рассуждения, на этот раз о пользе стабильного климата. Жутиков его по-прежнему не слушал, но теперь по иной причине. Думать он устал и решил просто глазеть по сторонам. Это привело к тому, что он первым заметил приближающуюся со стороны леса группу людей. Когда он сказал об этом Глюкову, тот странно напрягся и даже присел.

— Ах, как не вовремя, — громким шепотом сказал гид. Он зачерпнул из трясины пригоршню вонючей жидкости и сделал большой нервный глоток. — Паша, присядь!

— А что? — Жутиков с отвращением проследил, как Сан Саныч вытирает ладонь о штаны.

— Это очень опасные люди, — прошептал Глюков. — Могут раздеть до нитки, да еще бока намять ни за что. Или вообще... в болоте утопить. Надо маскироваться!

Он снова зачерпнул жижи из болота и обмазал зловонной грязью себе макушку.

— Ну нет! — Возмутился Паша. — Лучше я с ними поговорю. Я ж тут новичок, никому пока дорогу не переходил. Да и взять с меня нечего.

— А им ничего и не надо! — Сползая в трясину, горячо зашептал гид. — Лезь за мной! Прикинемся кочками!

— Ну вы совсем... того! — Жутиков покрутил пальцем у виска. — Засосет же!

— Ничего не засосет! — Глюков лег на живот и пополз по грязи между кочек куда-то к центру болота. — Жутиков, за мной!

— Задержи его! — Донесся крик со стороны приближающихся людей.

Паша перевел изумленный взгляд со скользящего ужом меж кочек Глюкова на лесную делегацию. Внешне люди были вроде бы нормальные. Не бандиты. Одеты прилично, один из мужчин даже в очках, а две или три женщины в легких платьях. Определенно не бандиты. Скорее вся эта компания напоминала отдыхающих, выбравшихся на пикник, и слегка

заблудившихся. И оружия у них не было. Если не считать крепких палок в руках у авангарда.

Когда лидеры запыхавшихся незнакомцев подбежали к краю болота, Сан Саныча простыл и след. Да его и не было, следа. Разводы на болотной жиже затянулись, а кочек юркий проводник не касался.

— Опять ушел! — С досадой сказал один из «отдыхающих», моложавый блондин с модной бородкой. — Гад!

— Гид, — полувопросительно исправил Паша.

— Гад, — утирая пот, настоял запыхавшийся. — Тебя же Сан Саныч встретил?

— Ну... — Жутиков окинул настороженным взглядом подтянувшуюся компанию. Лица были добропорядочные, факт. Если эти люди и собирались намять бока, так только Глюкову, которого они почему-то не любили.

— Давно прибыл? — Бородатый протянул руку. — Я Фил, местный шериф. Это Витя, Игорь, Фарид, Маша, Галя, Света, Иван, Гарри и Джейкоб.

— Паша, — представился Жутиков, невольно задерживая взгляд на Свете. Девушка была чертовски привлекательна и смотрела на санитаря с явным интересом. Под гипнозом ее взгляда Паша сам не заметил, как брякнул: — Доктор.

— О, это удачно! — Обрадовался Фил. — В нашем городке дефицит медиков, а сейчас как раз опасный период, назревает эпидемия гриппа. Ну, вы же знаете, зимой всегда так.

— Здесь же не бывает зимы, — Паша с трудом вернулся к беседе с Филом.

— Кто вам сказал? Глюков? Это он хочет, чтобы так было. А на самом деле здесь всё бывает. Сейчас по календарю январь.

— Как-то не заметно, — Жутиков снова уставился на Свету.

Та улыбнулась и кивнула:

— Я тоже пока не привыкла.

— Светлана прибыла только что, — пояснил Фил. — Ее мы от Глюкова уберегли, а вас проморгали, вы уж извините.

— Я что-то не пойму, — признался Паша. — Этот Сан Саныч, он кто на самом деле?

— Баламут, — Фил небрежно махнул рукой. — Шныряет повсюду и людей с толку сбивает. Тут работы непочатый край, а он народ болтовней отвлекает да на глупости всякие соблазняет.

— Наркотиками, что ли, торгует?

— Вроде того. Вот мы и гоняем его, как чумного.

Фил красноречиво подбросил в руке палку.

— Идемте, Павел, с нами. В нашем городке рабочих мест предостаточно. И домов свободных полно.

— А где ваш городок?

— За лесом, тут недалеко. Нет, если вы хотите, мы проводим вас до реки, можете уплыть в любое другое поселение. Только если по Большой Возвратной реке поплывете, в Рабочем городе окажетесь, там шумно и

неуютно. Там подземные заводы и энергетические станции круглосуточно работают: земля аж подпрыгивает, сто двадцать толчков в минуту. Оттуда можно, конечно, и дальше уплыть или уехать. Можно в Коричневые горы податься или в леса Ветров. Там свежего воздуха много, дышится отлично. Но скукота смертная. Ни одного толкового городишки. Дальше, в Верхнем городе, повеселее, но не лучше, чем здесь. Вы туда пока доберетесь, проклянете всё на свете — так долго ехать. Остается только отсюда вниз по Отводящей, но через час пути она разделится на два рукава, и дальше ничего интересного уже не найдете. Сплошные дикие горы.

— А Главный город где? Этот ваш баламут про него красиво говорил, складно.

— Это еще дальше Верхнего! — Фил махнул рукой. — Да кого вы слушаете?!

Паша немного поразмыслил и пришел к выводу, что пока ему все равно, куда идти, лишь бы не оставаться на этом болоте — вонь уже достала. Он кивнул и двинулся в толпе новых друзей в сторону леса. Как-то само собой получилось, что Света пошла рядом. Наверное, потому, что тоже была новенькой в этом мире. В этом мире... Жутиков обернулся к Филу.

— А что это за место?

— В смысле? — Лидер «отдыхающих» удивленно поднял белесые брови.

— Ну, планета какая? У меня на родине все цветное было: трава зеленая, небо голубое... и солнце светило. Желтое такое.

— А-а... понимаю, — Фил многозначительно взглянул на одного из товарищей, долговязого очкарика, кажется, Гарри. — Тоже постполетный синдром.

— Это Земля, дружище, — пояснил Гарри. — Наша потерянная родина, наша голубая планета Земля.

— Голубая? — Паша хмыкнул. — А почему такая красная?

— Голубая, голубая, — заверил Гарри. — Вы просто пока не адаптировались. Денька через три цветоощущение восстановится, и все будет в порядке.

— Что вы имеете в виду? — Вдруг спросила Света, поставив Гарри этим вопросом в тупик.

— Я... э-э... так со всеми было. Сначала все вокруг красное и угнетающее, а потом привыкаешь и возвращаются цвета. Небо, правда, так и остается красным, но трава зеленеет и все остальное... раскрашивается. Мы считаем, что это последствия гиперперехода. Ведь «Колонисты» прошли сквозь «червоточину», а влияние гиперпространства на психику пока слабо изучено.

— Я не улетаю на «Колонисте», — Света покачала головой.

— Еще и амнезия, — многозначительнее прежнего проронил Фил.

— Я тоже, — поддакнул Паша, — я на космодроме на вызов поехал... а потом вдруг тут очутился.

— На космодроме? — Фил обернулся к Свете. — А вы что помните?

— Все, — убежденно заявила девушка. — Я провожала последний челнок. Он отправлялся к «Колонисту-390». А потом... а потом...

Она поморщилась и потеряла виски.

— Вот видите, — Фил щелкнул пальцами. — Вы оба были на космодроме. Видимо, тем самым челноком и стартовали. Кстати сказать, только вашего экипажа нам пока и не хватало. Остальные давно уже здесь, вплоть до «389».

— Погоди, Фил, — Жутиков неожиданно остановился. — А Солнце-то где? Если это Земля, тут Солнце должно светить! А ночью Луна.

— Мы пока не разобрались, — признался бородатый. — Ученые говорят, что красное небо — это своеобразный силовой щит, который рассеивает солнечные лучи.

— Зачем?

— Не знаю. Может быть, когда-то землянам угрожала опасность из космоса, вот они и создали этакую планетарную защитную оболочку. Точно неизвестно.

— Как же эта оболочка пропустила «Колонистов»? Раз мы тут, значит, они сели, так? Ну и где они?

Паша повертел головой. Фил развел руками.

— Мы не знаем. У нас всех тоже проявлялся постполетный синдром. Приходишь в сознание, а корабля уже и в помине нет. И никого из экипажа поблизости. Наверное, после высадки все разбредаются, оставаясь в трансе, а уж потом приходят в себя. А корабли, высадив экипажи, улетают на орбиту. А как они проникают под красную оболочку... пока загадка.

— Очень все это подозрительно, — Света прищурилась.

— А вы, случайно, не в СБ работали на Планете? — Фил усмехнулся. — Такая проницательность и дотошность для красивых женщин редкость.

— Я — нет, — девушка очаровательно улыбнулась. — Я в отделе кадров работала. Там тоже дотошность требуется.

Фил ей, похоже, не поверил, но озвучивать свои сомнения не стал. Компания как раз вошла в лес. Издалека деревья выглядели обычными, но при ближайшем рассмотрении оказались все же не такими, как на Планете. Стволы у них были толще, а ветви короче, и еще деревья плавно извивались, словно водоросли или какие-нибудь пиявки. Волнообразные движения гибких стволов были направлены от оснований к макушкам.

Паша опасливо потрогал ветку ближайшего дерева. Она была прохладной и скользкой. Жутиков потер пальцы о ладонь, но никакой слизи на них не осталось. Природа Земли продолжала удивлять. А ведь в школе на уроках истории ученикам твердили, что Планета практически ничем не отличается от затерянной меж звезд прародины человечества. Вот и верь после этого учителям и учебникам. Хотя, может, когда-то так и было, но после изобретения защитной красной оболочки все изменилось. Сколько лет назад Первопроходцы улетели с Земли? Двести лет они только Планету осваивают, а сколько еще летели? Могла прародина за такое время

измениться до неузнаваемости? Почему бы нет? Особенно если тому были причины вроде биовойны или чего-то подобного. Как в комиксах про Сверхчеловека, который сражается с Адольфом Бен Хистером, задумавшим заразить всю Планету столбняком.

— Почему вы решили, что тут была война?

Паша удивленно взглянул на Гарри. Это был его вопрос.

— Я вслух, что ли, говорил?

— Да, — долговязый смущенно улыбнулся. — Негромко, но я расслышал. Так почему биовойна?

— А иначе зачем оболочка?

— Трудно предположить. А спросить не у кого. Мы пока не встретили здесь ни одного коренного землянина. Только пустые города и артефакты. Но если оболочка планировалось как защита, выходит, она им не помогла?

— Выходит, так, — Паша вздохнул. — Враг прорвался и жажнул каким-то массовым оружием. Города целые, значит, не ядерная была война. Деревья растут, но другие, а людей и вовсе нет. Однозначно биологическое оружие кто-то применил. Потравили предков, как моль.

— Вот что значит свежий взгляд! — Восхитился Фил. — У вас, доктор, цепкий ум!

Жутиков с надеждой взглянул на Светлану, и она не замедлила ему благосклонно улынуться. Это определенно был шаг к победе. Паша почувствовал прилив бодрости и уверенности в собственных силах. Новая планета – новые возможности? Да, без сомнений, здесь, на Земле, он станет совсем другим. Умным и уважаемым. А может, и любимым, причем самой красивой женщиной на свете. Для санитаря «Скорой» Павла Жутикова это был высший пилотаж...

...Домик Паше достался небольшой, но уютный, а главное, в двадцати метрах и окно в окно с домом Светы. Как использовать это преимущество, Жутиков толком не понимал. Подглядывать в окна соседки ему было стыдно, а напроситься в гости, чтобы скрепить добрососедские отношения бутылочкой пива, не хватало смелости. К удивлению и радости Жутикова, девушка сделала первый шаг сама. Она пришла ближе к вечеру (неотличимому по степени освещенности от другого времени суток, как во время полярного дня) и попросила Пашу помочь с перестановкой мебели. Жутиков мгновенно согласился. А после перестановки согласился выпить пивка (красного, как вино), а после...

На следующее утро Света подняла Пашу ни свет, ни заря... то есть... в общем, очень рано, и они пошли к нему. После недолгого осмотра подруга решила, что жить им лучше у нее: комнаты светлее, мебель новее, джакузи опять же. Паша не возражал, и они вернулись к Свете, то есть домой.

Заехавший за ними на шикарном полицейском лимузине Фил ничуть не удивился, увидев, что новички выходят из одного домика...

...И вечером первого рабочего дня все тот же Фил отвез их сразу к Свете, а Пашин домик заняла какая-то молодая особа.

— Еще пятеро прибыли, — пояснил бородатый шериф. — Девушка, которая у вас по соседству поселилась, медсестра. Так что завтра в клинике полегче станет.

— Сегодня тоже было нетрудно, — бодро заявил Паша, в глубине души замирая.

А вдруг это сестра с одной из подстанций его района?! Если Жутикова выведут на чистую воду, все пойдет кувырком! Вся эта приятная новая жизнь. И Света наверняка прогонит обманщика-невежду.

— Так ведь не сезон пока, я же вчера говорил. Вот ближе к весне сквозняки начнутся, пойдет грипп, будет вам работа. А сестра, кстати, из вирусологического центра. Как раз по теме специалист.

Паша невольно выдохнул. Разоблачение отменялось. То есть не совсем, но хотя бы становилось не таким неминуемым. За первый день работы никто из персонала клиники даже не заподозрил, что Жутиков всего лишь санитар. Правда, никакой работы новенькому и не поручали. Дали осмотреться, привыкнуть.

— До завтра, — он помахал рукой Филу.

— Завтра не получится. Мне надо будет в соседний городок смотаться. На работу сами поедете. Ты ужинай пока. Я через часок засочу, в общественный гараж съездим, — пообещал бородатый. — Машину себе подберешь. До встречи!

— Жду, — Паша, приятно удивленный перспективой заиметь еще и машину, с чувством обнял Светлану. — А тут ничего... жить можно.

Девушка улыбнулась и прильнула к его плечу.

— Давай посидим на крыльце. Я на родительской даче любила так сидеть.

Они уселись на теплом крыльце и мечтательно уставились в тенистую перспективу широкой «зеленой» улицы.

— Свет, а можно спросить?

— Конечно, — девушка прижалась к плечу сильнее.

— Ну... это... а почему я?

— Почему я выбрала тебя?

— Да, что ты во мне нашла?

— Не знаю, — Света усмехнулась, но не ехидно, а по-доброму. — Может быть, мне понравилось, как ты на меня смотришь?

— Как?

— Без вожделения, просто с каким-то детским восхищением. На меня никто и никогда так не смотрел.

— Ты очень красивая.

— В этом и проблема. Хорошие парни почему-то боятся красивых девушек, а плохие... их просто хотят. Без любви. Как вещь. Лишь бы иметь то, чего у других нет, и из-за чего им будут завидовать. А ты хороший, но не испугался.

— Потому что сразу втрескался, — Жутиков вздохнул. — В таком состоянии ничего не страшно.

— А втрескался — это как? — Света чуть отстранилась и лукаво взглянула на приятеля.

— Полюбил, — глухо ответил Паша. — Я не умею слова всякие говорить. Но тебе готов хоть всю ночь.

— Не надо, — Света улыбнулась. — Я все вижу. Поэтому я с тобой.

— Давай поженимся, — вдруг вырвалось у Паши.

Света снова отстранилась и на секунду заглянула ему в глаза.

— Что, вот так сразу? После двух дней знакомства?

— Ну, — Жутиков покраснел от смущения. — Раз мы сразу почувствовали... друг к другу... эту... симпатию... и не нашли причин, чтобы ее сдерживать, чего тянуть? Будет все, как у людей. Семья, дом, дети... красивые, как ты, и умные... тоже, как ты.

Света улыбнулась счастливо, хотя и немного растерянно. Было видно, что предложение Жутикова пришлось ей по вкусу. Однако ответить она не успела.

— Как устроились?

Знакомый Паше голос раздался откуда-то сзади и справа. Жутиков обернулся и обнаружил, что на невысокий заборчик, отделяющий их со Светой участок от соседнего — с пока незанятым домиком, — облокотился Глюков.

— Вы наш сосед? — Удивился Паша.

— Нет, просто зашел. Подбираю жилье. На прежнем месте соседи были не слишком приветливы, вот я и отправился на поиски, пока новички не заняли все дома.

— Вы же вроде бы в Главном жили.

— Я? Нет... Хотя там я тоже бываю. Но все больше по гостиницам. Вместе с туристами. Это моя работа, помните? Вы, кстати, напрасно отказались туда поехать. Там гораздо веселее и платят больше.

— И машины дают? — Жутиков недоверчиво усмехнулся.

— Дают, — Сан Саныч кивнул. — Это в порядке вещей. Или Фил преподнес, будто бы это подарок за особые заслуги? Лукавит ваш мелкопоместный диктатор.

— А вы сама искренность? — Вмешалась Светлана. — Пахнет не от вас?

— Я помылся! — Глюков понюхал свой рукав. — Нет, не от меня. Это ветер сменился. Со стороны болота дует. А в Главном болот нет. Там повсюду парфюмом пахнет и вкусами всякими. И вообще, там хорошо, красиво. Столица! Хотите, я вам тур выходного дня организую? Съездите, развеетесь.

— Без вас управимся, если захотим, — отмахнулся Жутиков. — На машине катаемся.

— На машине опасно. Дорожное движение на основных трассах знаете какое? Летают как бешеные. Особенно грузовики.

— Справимся, — уверенно заявил Паша. — У меня стаж десять лет и ни одной аварии. А уж летал я не медленнее любого грузовика.

— Да? — Глюков загадочно ухмыльнулся.

То, что случилось дальше, с точки зрения Жутикова, было невероятно и необъяснимо. Он вдруг очутился за рулем несущейся на предельной скорости машины. Рядом, растерянно хлопая глазами, сидела Света, а на заднем сиденье хихикал Глюков. Трасса была ровной и прямой, как стрела (или натянутый нерв — почему-то мелькнуло в голове у Паши), но множество примыкающих второстепенных дорог и плотный поток транспорта делали ее более опасной, чем узкий горный серпантин. Водители других машин вели себя исключительно по-свински. Они то и дело подрезали, бросались из ряда в ряд, обгоняли и слева, и по обочине, поджимали сзади и, что хуже всего, норовили вытолкнуть на встречную полосу. Паша судорожно вцепился в баранку и попытался сбросить скорость, но машина не послушалась.

— Это что?! — Заорал Жутиков, мельком взглянув через зеркало на Сан Саныча. — Глюков, как мы сюда попали?!

— Вы же были уверены, что справитесь, молодой человек, — с сарказмом сказал Глюков. — Вот и справляйтесь.

— Прекратите немедленно! — Крикнула Света. — Верните нас обратно!

— А вы поедете со мной в Главный город?

— Мы тебя просто придушим! — Пообещал Жутиков. — Или Филу сдадим!

— В таком случае, придется начать всё заново. В следующий раз. До свидания.

Паша зло взглянул в зеркало, но отражения ухмыляющейся физиономии Глюкова в нем не обнаружил. Тогда Жутиков обернулся. На заднем сиденье было пусто.

В эту минуту с машиной поравнялся здоровенный черный автомобиль. Несколько секунд он держался рядом, а затем продвинулся немного вперед и вильнул, выталкивая Пашино авто навстречу огромному грузовику.

5.

Паша с трудом разлепил веки и уставился на Раздражаева.

— Ты кто?

— Э-э... — биолог развел руками. — Я.

— Понятно, — Жутиков обвел взглядом помещение. — Это что, больница? Мы все-таки столкнулись?

— С чем? — Удивился Раздражаев.

— Ну, с тем грузовиком? — Паша обеспокоенно повертел головой. — А где Света?

— Здесь я, — слабым голосом произнесла девушка. — Мы не столкнулись. Это было видение из ступора. Так, Раздражаев?

— Наверное, да, — согласился биолог. — А что вы видели?

— Долго рассказывать, — Светлана вяло шевельнула рукой. — Все тело ломит, голова болит, и нос заложило.

— Кризис миновал, но лихорадка отняла у вас много сил, — торопливо пояснил патриот. — Вам что-то снилось?

— Более того, — Света попыталась встать, но это ей не удалось. — Мы видели один сон на двоих. А быть может, и на большее количество народа. Мы жили в счастливом мире. У нас был очаровательный домик на берегу Переднего Нижнего притока Отводящей реки...

— На берегу Правого Бокового притока, — негромко исправил Павел.

— Переднего, — Света улыбнулась. — Не спорь, я провела, любуясь алыми волнами, гораздо больше времени. Паша работал в клинике, а я в отделе кадров речного порта. Я была Паше...

Она взглянула на Раздражаева немного смущенно.

— Кем? — Заинтересовался появившийся из шлюзового отсека Совковский.

— Не важно, — Света покосилась на Жутикова. — Предложение в силе?

— А? — Его взгляд забегал. — Я не понимаю, куда мы попали?

— Мы вернулись, Паша, — в голосе Светланы звучали укоризненные нотки. — Ты хочешь сделать вид, что ничего не помнишь?

— Я помню Землю, свою клинику, нас, — поспешно исправился Жутиков. — Но это не моя больница... это... «Колонист-9»?!

Он крепко зажмурился.

— Правильно, коллега, вы приходите в себя, — ободрил его Раздражаев.

— Не хотелось бы, — процедил сквозь зубы Паша. — Не надо было нас лечить, Михал Михалыч. Там было лучше.

— Где? На Земле? — Уточнил Совковский.

— Именно так, — согласился санитар. — Там я был доктором в солидной клинике, у меня была... почти уже была... семья и спокойная, обеспеченная жизнь. А здесь...

— Я с тобой, — Света взяла его за руку.

— Единственное утешение, — пробормотал Паша.

— Подлец, — слабо возмутилась девушка. — Надо же — «единственное утешение»!

— Я хотел сказать... — Жутиков замялся. — Ну... не то я хотел... в смысле, что...

— Ладно, я поняла, — смилостивилась Света. — Раздражаев, сколько мы зависали?

— Двое суток.

— Для первой атаки — нормально, — подсказал Совковский. — За время вашего «отсутствия» медицина серьезно продвинулась вперед. Теперь нам известно, как развивается болезнь: в три атаки. Первая — легкая, двухдневная, выживают почти все. Вторая посильнее — недельная. Летальность тридцать процентов. После третьей, полуторамесячной,

остаются в живых двое из десяти. В основном люди умирают от истощения. К пассажирским креслам стараниями экономных конструкторов подведена только вода. Питание и лечение не предусмотрено. Так долго валяться с температурой и без пищи не каждому по силам. Но некоторые выживают и больше не залипают, почему — непонятно. Их мало, но все-таки это двадцать процентов. Хоть что-то.

— Утешение так себе, — заметил Паша. — А между атаками — просветления? Как у нас сейчас?

— Да. К сожалению, это ненадолго. Час-два. Если хотите нам что-то поведать — поспешите. Ведь вам надо будет еще и подготовиться к следующей атаке. Подкрепиться, принять кое-какие лекарства и витамины. Чтобы не попасть в печальные тридцать процентов.

— Тогда подробно описывать наши видения мы не станем, только резюме, — предложила Света. — Все колонисты действительно видят единый «глюк». Они живут в довольно странном мире. Хорошо освещенном, но без солнца. Он полон всевозможных оттенков красного, но они упорно величают этот странный пейзаж «нашей голубой планетой Земля». Они живут в счастье и согласии, но почти не понимают, по каким законам существует окружающая природа. Они все как один мучаются от странного невроза — боязни замкнутого пространства...

— Клаустрофобии, — вставил биолог.

— Да, клаустрофобии, проявляющейся даже на открытых пространствах, но все равно упрямо обустраиваются на новом месте, словно их кто-то заставляет.

— Но те, кто выжил после третьей атаки, говорят, что их жизнь «внутри ступора» заканчивается ядерной войной, — заметил Совковский.

— Наверное, так оно и есть, — согласилась Светлана. — Но лишь для тех, кто покидает «Землю», возвращаясь в реальность. Все прочие продолжают счастливо жить в «идеальном» багровом мире, не вспоминая о Планете. До тех пор, пока не умрут их бранные тела здесь, на Планете. И тогда для них, наверное, тоже случается персональная атомная война или какая-то еще катастрофа. Кстати, все очень напоминает принципы построения нашей действительности. Люди по одному приходят в мир, живут в нем все вместе, а затем неизбежно уходят — тоже поодиночке, в страхе и сомнениях. Там все тоже, как в настоящей жизни. И это, поверьте, господин директор, неспроста.

* * *

Машина была что надо. «Порше Пангея». Раньше Жутиков не мог и мечтать о таком аппарате. Неудивительно, что утром, наспех проглотив завтрак, он потащил Светлану обкатывать новое приобретение. Жутиков радовался, как ребенок. Света сказала, что в технике ничего не понимает, но по ее лицу было видно — авто ей тоже нравится. Или, быть может, ей нравилось раскатывать в этой машине вместе с Пашей. Так или иначе, но девушка выглядела вполне счастливой.

Жутиков вырулил на главную улицу городка и затормозил у супермаркета. Во всю витрину магазина был развернут плакат: «Новичкам скидки 90%!» Проехать мимо такого заманчивого предложения было просто глупо.

— Что, на все скидки? — Осторожно поинтересовался Паша, выглядывая из окошка автомобиля.

— От и до, — заверил выходящий из магазина мужчина, нагруженный огромными пакетами. — Просто праздник для кошелька!

— Здорово! — Жутиков вынул бумажник и пролистнул толстую пачку наличности — подъемные, выданные в первый же день в больничной кассе. — Свет, чего нам надо?

— Массу всего, — оживилась Света. — Доверь это дело мне. Тратить деньги я умею.

— Ну идем тогда, — Жутиков улыбнулся немного растерянно.

Его фантазия по части покупок обычно ограничивалась самым необходимым: хлеб, кефир, какие-нибудь овощи-фрукты, иногда бутылка пива с пачкой сушеных кальмаров да пара окорочков.

— Не передумали, голуби мои?

Паша и Света удивленно взглянули на покупателя, который успел свалить пакеты в багажник своей машины и теперь утирал испарину. Жутиков готов был поклясться, что секунду назад это был абсолютно другой человек. Теперь же перед растерянной парочкой стоял... Глюков!

— Рисковый ты мужик, Сан Саныч, — Паша красноречиво размял кулаки. — Ты разве не помнишь, что я обещал тебя придушить?

— Разве? — Глюков удивленно поднял густые брови. — Что-то не припоминаю. Когда это было?

— В машине, куда мы вдруг... перенеслись, — Жутиков засомневался.

— Как это «перенеслись»? Фьють — и улетели? — Сан Саныч взмахнул рукой. — Ты ничего не путаешь?

— Не знаю, — Паша взглянул на Свету, и та пожала плечами.

— Ты, наверное, задремал на закате, Паша. Это опасное время. Сны всякие дурацкие лезут. Однако к делу. Я предлагаю вам совершенно уникальную последнюю возможность уехать в Главный город. Скоростным транспортом, со всеми удобствами. Но изюминка моего предложения не в этом! Вам будет предоставлен особняк в самом центре столицы! Совершенно бесплатно. Таких домов в свободном обращении почти не осталось, но исключительно для такой симпатичной пары... Из моего личного резерва. Вы станете украшением и сливками столичного общества!

Света крепко вцепилась в Пашин рукав. Что и говорить, звучало предложение заманчиво.

— А с работой как?

— Вам, Павел, я могу предложить руководство солидной частной клиникой. А Светлане... можно будет и вовсе не работать. С такими-то доходами! Ну как, едем?

— Что-то я не пойму тебя, Глюков, — Паша с подозрением прищурился. — То ты простым гидом представляешься, то вдруг дома раздаешь, словно ты миллионер. Не верю я тебе.

— Не верит он! — Сан Саныч обиженно фыркнул. — Светлана, образумьте своего суженого-ряженого!

— Я вам тоже не верю, — Света поджала губки. — Мы останемся здесь.

— Ну и оставайтесь! Все равно недолго вам тут прозябать. Не хотите добровольно, приедете иначе. Но уже без комфорта. Сами виноваты.

— Угрожаете нам, что ли? — Паша нахмурился.

— А-а... — Глюков махнул рукой и уселся в машину. — До встречи в Главном!

Паша и Света проводили его авто настороженными взглядами. Когда машина выехала на дорогу, за ее рулем снова сидел прежний покупатель, Паша готов был поклясться в этом собственным здоровьем. Фокусы Сан Саныча становились явлением почти привычным, но все равно удивительным.

Немного поудивлявшись, Паша хлопнул дверцей своей машины, взял Свету под руку, и они направились к супермаркету. Но тут по улице прокатился вой полицейской сирены, и из-за поворота появился лимузин Филадельфии. Шериф притормозил и, не останавливаясь, крикнул:

— Все на площадь!

— А что... — Паша проводил взглядом рванувшую машину шерифа, — случилось... то?

Света огорченно вздохнула.

— Наверное, что-то важное, — она с сожалением покосилась на плакат. — Может, Глюкова наконец схватили? Едем?

Паша молча кивнул, и они вернулись к машине.

На площади было не протолкнуться. Народ толпился у мэрии, на крыльце которой маячили Фил и долговязый Гарри. Они составляли какие-то списки. Все переписанные мужчины и некоторые из женщин уходили в здание и возвращались с чем-то, отдаленно напоминающим оружие.

— Мобилизация? — Паша удивленно взглянул на подругу. — Или учения какие-то?

— Недолго мы покайфовали, — Света надула губки. — Вот тебе и счастливая жизнь на родине предков.

Паша протолкнулся к мэрии.

— Кого воюем?

— А-а, доктор... — Фил приветственно взмахнул рукой. — Записываешься?

— Куда?

— В отряд самообороны.

— От кого?

— От горожан. Из Главного армия идет. Разведка сообщила. Глюков подбил тамошний народ на глупости. Не смог нас уговорами да хитростью в свое логово заманить, вот теперь силой решил взять.

— Силой? — Паша озадаченно почесал в затылке. Эвон как обернулось. Возможно, и стоило принять «последнее уникальное» предложение этого факира. — Зачем ему это?

— Не знаю. Может, амбиции через край плещут, а может, цель у него какая-то имеется. Точно не скажу. Но я его достаточно изучил, чтобы заявить с полной уверенностью — этот не отстанет. Он как особо цепкая зараза. Если не лечить, сама не пройдет. Ну так что, записываешься?

— Пиши, — Жутиков взглянул на Свету.

Она явно не одобряла Пашино решение, но молчала. Уважала его, как мужчину, защитника. Жутиков приосанился. Раньше его никто не любил и особо не уважал. А тут сразу и то и другое — да еще от такой потрясающей женщины. Какими бы ни были издержки обретенного счастья, оно того стоило.

Паша хотел попасть в отряд Филя, но шериф осуществлял общее руководство, и командиром передовой группы стал Гарри. Боевого опыта ни у кого из ополченцев не было, и кто станет главным, по большому счету, не имело значения. Фил так и сказал: боевая задача — произвести впечатление.

Когда отряд развернулся на окраине городка и занял позиции, Жутиков наконец-то рассмотрел оружие. Странные винтовки внешним видом больше всего напоминали пневматические инъекторы, которыми в больнице делались прививки. Чем стреляют эти штуковины, никто из ополченцев не знал.

— Это ружья с местных складов, — пояснил Гарри. — Наследство исчезнувшей земной цивилизации. Как работают, мы пока не разобрались, но испытали на вражеских лазутчиках. Трое глюковских шпионов пытались пробраться в городок, так Джейкоб их подстрелил, почти не целясь. Шпионы лопнули, будто воздушные шары. Только облачка серого дыма от них остались. Хорошее оружие.

— А в нас будут стрелять из таких же? — С опаской спросил Паша.

— Не знаю, — Гарри снял и нервно протер очки. — Вроде бы нет. По слухам, армия Глюкова вооружена какими-то парализующими хлыстами и ружьями с усыпляющими пулями. Он же хочет нас в Главный согнать, в рабство.

— Ага, — Жутиков заметно повеселел.

На этой теплой, приятной Земле и война была какой-то нестрашной. Подумаешь, рабство! Во-первых, это лишь предположение Гарри, а во-вторых, вряд ли вполне современный человек Глюков станет подвергать рабов средневековым пыткам или будет изнурять их непосильным трудом. Это утешение на случай, если не удастся дать ему отпор. А если удастся — вообще не о чем думать. Да наверняка удастся! Ведь у ополчения имеется такое мощное оружие.

Паша устроился поудобнее — он занял позицию за углом крайнего домика, почти у самой обочины шоссе, плавно переходящего в основную улицу городка — и взглянул в дорожную перспективу через оптический прицел. Армия Глюкова была уже хорошо видна. Она ехала на тяжелых серых грузовиках с открытыми кузовами, в которых было полно таких же серых солдат.

Жутиков осознал, что обещанное Гарри «цветовое прозрение» действительно наступает, но пока лишь по части серого и желтовато-белого. Дорога была явно светлее грузовиков и казалась сделанной из сыра или сливочного масла. В животе у Паши заурчало. Сказывалось предбоевое волнение — завтрак рассосался чрезвычайно быстро.

Паша навел резкость. Солдаты были странными. Будто и не людьми вовсе. Мало того, что их униформа была удручающе мышинного цвета, такими же были их каски, зажатое пока между колен оружие и даже лица. Раскрасились для маскировки? Но тогда почему не в красный цвет? Кроме желтоватой дороги, все остальные элементы пейзажа, особенно удобные для укрытия кусты, оставались красными. Впрочем, это, наверное, только для новичков они были таковыми. А для старожилков и этих вражеских солдат имели все положенные цвета.

Жутиков проводил взглядом съезжающие с дороги машины. Они останавливались, и войско тут же спешивалось, разворачиваясь в атаковую цепь. Паша вытер о штаны взмокшие ладони и прижался щекой к прикладу. Прицелиться, плавно нажать на спуск и...

— Подпустить ближе! — Срывающимся от волнения голосом приказал Гарри. — Без команды не стрелять!

Если бы его послушали, все могло пойти иначе, но ополчение открыло беспорядочную стрельбу, и когда серые солдаты залегли, наиболее отчаянные защитники городка вышли из укрытий и начали сумбурную контратаку. Образумить расхрабрившихся ополченцев не смогли ни Гарри, ни подоспевший из центра Фил. Их команды утонули в воинственных выкриках и топоте рванувшего навстречу врагу отряда.

Жутиков мгновенно поддался боевому азарту и выбежал на поле боя одним из первых. Увидев, с каким энтузиазмом бросились в атаку защитники, серые начали отползать, а когда авангард достиг их позиций и принялся безжалостно истреблять противника выстрелами в упор, солдаты Глюкова побежали.

Паша преследовал врагов, не чувствуя усталости. От его точных выстрелов серые лопались мыльными пузырями направо и налево. Жутиков почти не целился, но все равно попадал.

Рядом сражался запыхавшийся Гарри. Паша встретился с ним взглядом, и издал воинственный клич, вроде следопытского, как в кино про Первопроходцев, осваивающих Гондвану. Командир кисло улыбнулся и указал на витающее поблизости облачко — все, что осталось от очередного серого солдата.

— Газы!

— У кого? — Не сразу понял Жутиков. — А-а, в смысле — не дышать? Я так и делаю. Как попадаю в облако — нос на замок.

— Правильно, это парализующий газ, — Гарри кивнул. — Вон видишь, Ивана скрючило.

Паша обернулся. Иван валялся, словно тряпичная кукла, метрах в тридцати позади. Глаза его остекленели, а изо рта вывалился язык. Рядом суетилась медсестра из клиники, Паша ее узнал.

— Значит, издалека надо, — решил Жутиков и продолжил преследовать драпающего во все лопатки врага. — Бей глюковских!

— Гарри, останови его! — Заорал из глубокого тыла ополченцев Фил. — Все назад! Это ловушка!

Паша удивленно оглянулся. Все его товарищи притормозили и так же удивленно внимали Филу. Что он им говорит, Жутиков не слышал — слишком далеко вырвался вперед.

Косвенный ответ Паша получил, когда снова взглянул прямо. Солдаты Глюкова больше не удирали, а, наоборот, наступали. Цепью и с оружием наперевес. А еще они приближались справа и слева. И с тыла. Из центра городка ехали серые грузовики. Вот так! Обманули, вытянули на себя и окружили. Жутиков повел стволом, выбирая цель. Выбор был богатый, но поливать всех подряд не имело смысла. Серых собралось ужасно много, а сколько осталось зарядов в винтовке, Паша не имел представления. Вот если бы найти офицера, который командует этим воинством, а еще лучше — увидеть самого Глюкова. Впрочем, хитрый «тролль» наверняка отсиживался где-нибудь в безопасном месте.

Пока Жутиков размышлял, кольцо окружения сомкнулось и солдаты подошли вплотную. Приняв решение стрелять без разбора, Паша поднял оружие, но тут откуда-то из цепи серых взметнулся длинный хлыст, и шею санитара обожгло.

Винтовка выпала из ослабевших рук, ноги подкосились, а глаза заволокло мутной пеленой. Жутиков поморгал, но пелена только стусилась. Все, что мог различать Паша, — размытые контуры. Оставалось ориентироваться на слух, но и он начал подводить. Слева донесся глухой голос Гарри, затем обреченный выкрик Фила и неожиданно — уже совсем тихо — Светланы. Она кричала что-то неразборчивое, но в голосе угадывалось возмущение. Жутиков обернулся. В плывущем перед глазами тумане он сумел выделить очертания Светы и двух или трех серых фигур. Солдаты куда-то тащили девушку, а она отчаянно сопротивлялась.

— Не трогать! — Прорычал Жутиков, поднимая вялую руку с некрепко сжатым кулаком.

Казалось, что рука налилась свинцом. Паша от бессильной злости опять зарычал и сделал шаг к Свете. Багровый мир вокруг поплыл, словно его перемешали чайной ложкой.

Паша упал в пыльную траву и отключился.

— С возвращением, — Раздражаев посветил в глаза Павлу миниатюрным фонариком. — Как самочувствие?

— Как у дырявого барабана, — пробурчал Жутиков. — Счастье дает осложнения. Где Света?

— Рядом, — заверил биолог. — Мы перевезли вас в клинику при космодроме. Светлана в соседней палате. Как ваши видения, не истощились?

— Нормально, — Паша попытался сесть, но сил не было. — Сколько я провалялся?

— Около суток, — Раздражаев деловито прощупал его пульс.

— Вы вроде бы неделю обещали.

— Обещал, — патриот радостно улыбнулся. — Но наша наука окончательно победила! Мы нашли эффективное лекарство! Подходящий иммуноглобулин. Еще одна прививка — и третья атака вам не грозит!

— Как скверно, — огорчился Паша. — У меня там столько дел осталось незаконченных... и морд ненабитых.

— Очнитесь, Жутиков. Вы в реальном мире. Какие могут быть дела внутри галлюцинации?

- Дела серьёзные, жизненно важные. Вам не понять. Но вы у любого спросите, если не верите, все так скажут.

— А ведь доктор Жутиков прав, — приблизившись к койке, задумчиво проронил Совковский. — Для всех очнувшихся, их дела в «той жизни» были крайне важны. Их общие дела. И это очень интересно. Почему у всех один и тот же сценарий? Как они общаются? Они что, своими бредовыми мыслями еще и телепатически обмениваются?

— Это уж точно бред! — Запротестовал Раздражаев.

— Тогда как вы объясните, что Павел и... Светлана, например, обменивались мнениями о своем «земном» существовании по выходу из атаки? И, заметьте, не только они, но и все прочие.

— Нет, не верно! — Биолог даже замахал руками. — У всех разные детали! Никто не дает абсолютно одинаковых описаний этой «потусторонней Земли»!

Совковский усмехнулся, подошел к широкому окну и поманил биолога пальцем.

— Взгляните. Что вы видите?

— Корабли, — патриот пожал плечами. — Ну и что?

— Сколько и какой формы?

— В поле зрения около сотни, а форма... две сложенные тарелки.

— А мне кажется, что их двести и формой они напоминают пельмени.

Мы описываем один мир или разные?

— Понял, понял, — Раздражаев скис и обреченно махнул рукой. — Согласен, большие видят один и тот же кошмар.

— Ну и?

— Ну и не знаю я, как это объяснить! — Взорвался патриот. — Ну! Не того вы коня запрягли, господин директор СБ! Хоть занукайтесь! Я всего лишь бывший биолог, а не профессор психиатрии!

— А кто знает?

— Я вам что, справочное?!

— Может, кто-то из колонистов? — Предположил Паша. — Засел где-нибудь в трюме с прибором хитроумным и всем одинаковые мысли внушает. Я читал, у СБ аппараты были, которые на психику давили. Для разгона демонстраций.

— Это газетная утка! — Категорически заявил Совковский. — К тому же у всех больных одинаковый бред, а не приливы необъяснимого страха, как это описывали в желтой прессе. Они живут в том мире. Полноценно и разнообразно. Я допускаю, что колонистов кто-то специально заразил, чтобы легче было проникать в их сознание, но это определенно не какой-то умник с прибором.

— Кто же тогда? Чужаки?

— Глюк, — вдруг донеслось с порога палаты.

Биолог и директор обернулись, а Жутиков привстал. В дверях, кутаясь в халат, стояла бледная и осунувшаяся Светлана.

— Кто? — Переспросил Совковский.

— Тот, кто придумал для всех колонистов общую «багровую Землю», — пояснила Света.

Она прошла в палату и уселась на кровать рядом с Пашей. Так вот запросто. Даже положила руку ему на колено. Словно была Паше вовсе не чужой и даже больше. Жутиков просто забыл, как дышать. Сон продолжался наяву! Пожалуй, ради этого стоило рисковать здоровьем. Без проклятого «глюка» ни о чем подобном Павлу не приходилось даже мечтать.

— Сам... этот бред? — Удивился биолог. — Но ведь он просто виртуальный продукт воспаленных разумов. Он даже не имеет собственного «Я». Просто какая-то галлюцинация с продолжением.

— А давайте у этого бреда и спросим, кто он такой, — предложил Паша.

— Как же мы у него спросим? — Растерялся Раздражаев. — И у кого все-таки у него? У главного микроба, что ли?

— Надо вернуться на Землю. Логово врага, кем бы он ни был, там, я уверена, — Света прижалась к Пашиному плечу. — Я даже знаю, кто выступает от его имени. Мы с Пашей этого типа уже изучили. Да, Паша?

Жутиков кивнул и робко погладил ее по руке, чем огорчил Совковского до зубовного скрежета.

— Да чье логово-то?! — Взвился биолог. — Святого духа?! Высшего разума?! Злого гения, который выпустил из пробирки чуму и теперь заправляет галлюцинациями ее бессознательных жертв? Логова не может быть внутри бреда! Оно должно быть реальным! Например, лопнувшая пробирка, из которой вылетел вирус, или метеорит, внутри которого дремали замороженные микробы, пока их не принесли на борт любопытные космонавты. Триста девяносто метеоритов.

— Вот-вот, — усомнился Совковский. — Триста девяносто. Не многовато?

— Значит, все заразились еще на Планете, до вылета. Например, в накопителе космопорта. Через него все экипажи проходили. Вы там кондиционеры проверьте, может, в системе вентиляции пробирка с биологическим оружием была спрятана!

— На Планете не было такого биологического оружия, — директор строго взглянул на пунцового Раздражаева. — А еще ваша версия не объясняет, как удастся кому-то — условно пусть это будет злодей, наславший на больных ваш глюк, — так вот, как ему удастся контролировать разумы почти всех колонистов на всех кораблях?

— Теперь уже не на кораблях, — возразил биолог, — посудины сели, и на них работают импровизированные бригады «Скорой помощи». То есть, что там было до посадки — мы не знаем.

— Тем более надо поскорее докопаться до истины, пока инфекция в тех кораблях, где была слабой, не стала набирать силу, как в «Колонисте-9», например.

— Все равно я категорически не уверен, что можно «понять» бред, да еще находясь внутри его!

— Там и разберемся, — прерывая их спор, решительно сказал Павел. Близость Светланы кружила ему голову и распаляла, как ярмарочного петушка. Чтобы доказать правоту возлюбленной, он был готов на любые подвиги. — Найдем злой корень, обещаю. Если только это не чужак в трюме и не кто-то из наших умников балуется. Вы, кстати, тут, наяву, все-таки пошуруйте. Мало ли что... Я отказываюсь от прививки, Михалыч.

— Тронулся, что ли? — Поразился патриот. — Жертва во имя науки?

— Если собака зарыта внутри бреда, я найду этого урода, — Паша гордо покосился на Свету, — найду и зарюю.

— Ясно, — Раздражаев проследил за его взглядом. — Против либидо нет приема. Тогда введу тебе ослабленный вариант лекарства. Будешь как бы между небом и землей болтаться. Сон наяву или явь во сне — что-то в этом роде тебе устроим. Всё, что увидишь, нам доложишь. Найдешь за час обобщающий фактор, будем вместе его воевать. Не найдешь... вколю тебе недостающую дозу, и все дела.

— Я пойду с ним, — категорично заявила Света.

— Это будет лишним, — воспротивился биолог.

— Я пойду! — Отрезала девушка.

— Пусть идет, — упредил очередную реплику патриота Совковский.

Раздражаев выкатил на него покрасневшие глаза, но директор незаметно подмигнул, и тот сдался.

— Идите вы... — он нервно всплеснул руками, — хоть все! Один черт — ничего не найдете! Лучше бы просто укололи тех, кто еще жив, да и закрыли вопрос!

— Во-первых, на всех у нас не хватит лекарств, а пока мы произведем их в достаточном количестве, все помрут, — спокойно ответил Совковский. — Во-вторых, Светлана права, узнать, кто и каким образом управляет сознаниями больных, можно только, так сказать, изнутри. А в-

третьих, если мы не поймем, откуда взялась эта зараза, то не сумеем предотвратить повторную эпидемию.

— А она реальна? — Скептически поинтересовался биолог.

— Хорош базарить! — Паша звучно шлепнул ладонью по колену. — Меня уже в сон клонит! Раздражаев, неси половинную прививку!

— Две! — Напомнила Света.

— Да, одну напополам!

Биолог взглянул на директора. Тот кивнул и только губами, так, чтобы не видели отважные разведчики, но узрел патриот, шепнул: «полторы».

* * *

В себя Жутиков пришел, лежа на жестком полу в кузове грузовика. Слева и справа вдоль бортов тянулись длинные лавки, на которых не шевелясь сидели серые солдаты. Паша проморгался и рассмотрел их лица. Серые, одинаковые и неподвижные, как у манекенов. И глаза смотрели одинаково, прямо перед собой. И вообще, неживые они были какие-то, эти солдаты. Будто роботы.

Жутикову стало неуютно. С этим Глюковым было определено что-то не в порядке. Мало того, что сам, как фокусник, возникает и исчезает, так еще и механическую армию где-то добыл.

Хотя, если рассуждать по справедливости, не только этот «гид» был странным и подозрительным. Тот же Фил, например. Он свой, хороший, но откуда он взял винтовки, которые запросто уничтожают этих глюковских роботов? Получается, что эти двое знают больше других колонистов? Раскопали где-то военные склады землян и теперь бодаются за первенство в новом мире? Вполне возможно. Даже наверняка. Тут и особо умным быть не нужно, чтобы понять — всё на Земле будет, как и на Планете. Постепенно из общей массы выделятся лидеры и начнут делить горы и долины, реки и моря. А там незаметно возникнут государства, границы, налоги, армия, полиция... В общем, пойдет обычная жизнь. И машины с домами раздавать перестанут, и деньги будут платить только за работу. Счастье, в общем, кончится. Останутся только случайные радости.

Один из солдат вдруг пошевелился и взглянул на Пашу.

— Как голова?

Жутиков посмотрел на воина и удивленно хмыкнул. Это был не серый стандартный болван, а сам Глюков. В каске и с винтовкой он выглядел смешнее обычного. Паша спрятал ухмылку и сел.

— Побаливает.

— А я предлагал поехать со мной по-хорошему, — Сан Саныч укоризненно покачал головой. — Ну ничего, до Главного проветришься. Эх, народ! Тянешь вас за уши в счастливое будущее, так вы еще и сопротивляетесь. Темнота!

— Слушай, Глюков, а чего ты так озаботился? Императором хочешь стать? Но зачем тебе всех в Главный переселять? Ну рассадил бы заместников по городкам, да и правил бы. Вон у тебя какая армия.

— Что такое ваши городки? — Глюков поморщился. — Пережитки прошлого. Сила в больших городах. Смысл жизни в том, чтобы все люди работали и отдыхали в одном месте, общались, чтобы нация была единой, понимаешь?

— Нет.

— Когда все вместе, рядом, то и конкуренция острее, и прогресс не тормозится — народ идеями обменивается, ничего от соседей не укроешь. А в городишках вроде вашего тишина и застой. Никакой остроты жизни, никакого развития. Только болота вонючие да фермы. Они, конечно, тоже нужны, но не в таких количествах.

— Мягко стелешь, Сан Саныч, — Паша задумался.

Глюков темнил. Это безусловно. Чего-то другого хотел этот фокусник. Не объединения нации, а чего-то особенного. Пока суть глюковского замысла от Жутикова ускользала, но поскольку грузовик мчался в Главный, разгадка была не за горами. Следовало только повнимательнее посмотреть по сторонам там, в большом городе, и делать выводы.

Паша вздохнул. Думать было непривычно и ужасно утомительно. Вот если бы стать таким же умным, как доктор Шлюбкин или Фил, разобраться в замыслах Глюкова было бы плевым делом. Разобраться и вывести Саныча на чистую воду. Это было бы здорово. Приехать в городок победителем и гордо обнять Свету. Вот, мол, я вернулся, да не просто так, а героем. Тогда можно даже признаться, что вовсе не доктор, а так, «парамедик». Герою это простительно.

Грузовик летел как на крыльях. Дорога была идеально ровной, а ветер, свистящий выше бортов, теплым. Если бы не формальный плен, путешествие вполне могло сойти за давно обещанную Глюковым экскурсию. Заметив живой интерес пленника к окружающему миру, Сан Саныч разрешил Паше сесть.

Жутиков уселся и завертел головой. Несмотря на дикую скорость, посмотреть было на что. Дорога пролегла по исключительно причудливым местам. В основном вокруг высились горы и текли многочисленные реки, речушки и ручейки. Растительности было маловато. Только однажды слева и справа от дороги выросли роскошные лесные массивы, в чащобе которых терялись несколько крупных речек и еще какие-то конструкции, похожие на трубопроводы большого диаметра. Но колонна серых машин довольно быстро миновала лесистый участок и нырнула в совсем уж невероятное ущелье.

Голые скалы нависали над шоссе, чередуясь с хитросплетениями каких-то толстенных лиан, которые, казалось, исполняли роль поддерживающих эти скалы растяжек. Вверху одинаковые скальные своды соединялись, будто... Паша не помнил точное название, но ассоциация была до боли четкой... Они соединялись, будто отростки позвонков — те, что защищают спинной мозг. В свое время у Паши дома валялся грудной позвонок; один практиковавшийся на «Скорой» студент-медик спер его из анатомического театра и подарил Жутикову. Потом кость куда-то

запропастилась, но Паша успел запомнить все ее детали и даже выпытал у Шлюбкина, для чего позвонкам нужны все эти отростки; по бокам и сзади основного тела. Так вот, своеобразный скальный тоннель походил как раз на них. А сама дорога — соответственно — на спинной мозг. Она даже цветом была, как нервная ткань — белая с желтизной.

Примерно через два часа пути, когда появился и быстро исчез из вида маячивший у горизонта гигантский массив Коричневых гор (даже издалека было видно, что горы не такие, как везде, а будто бы с множеством ячеек или пещер), воздух над шоссе наполнился гулом, словно где-то поблизости обрушивался здоровенный водопад. Несмотря на свист ветра, Паша отчетливо различал мерный ритм его тяжелой звуковой поступи. Четыре такта: тише-громче, короткая пауза, затем снова тише-громче — пауза длинная. И так раз за разом.

Заметив на лице у санитара удивление, Глюков пояснил:

— Слева, на краю Леса Ветров, — Рабочий город. Большая Возвратная река как раз туда втекает. В его правое предместье. Там и кончается. В Большом Правом озере.

— А вы говорили, что по ней можно до Главного доплыть.

— Можно, только уже не по ней. Из Большого Правого озера другая река вытекает — Лесная. Она по Лесам Ветров петляет, а затем снова в Рабочий город приводит, но уже в левое предместье. И там тоже заканчивается. Только в Большом Левом озере. А уже из него вытекает Отводящая река. Она, кстати, самая шумная. Такие волны идут — особенно ближе к устью, — только держись. Но зато по ней можно приплыть куда угодно. Только лоцию надо знать.

— Неслабо куролесить.

— Вот именно. Потому мы и ездим на машинах. Для экономии времени.

Вскоре колонна миновала шумный участок и углубилась в Леса Ветров. Дышать тут было легче обычного. Наверное, странные, похожие на перевернутые виноградные гроздья деревья неплохо очищали воздух. Но смущало загадочное поведение ветра. Он дул то с севера — обмораживая нос, то с юга — обжигая затылок. Причем направление его менялось резко и часто.

— Отсюда и название, — пояснил Сан Саныч. — То ещё местечко.

Лес тянулся довольно долго, но закончился и он. Снова начались холмы, между которыми плескались алые речки, а затем колонна вышла к многоуровневой дорожной развязке, за которой угадывались многочисленные сверкающие башни небоскребов, ажурные арки мостов, виадуков и разные другие продукты реализованных архитектурных фантазий. Даже без пояснений Глюкова Паше стало понятно, что это и есть долгожданный Главный.

Город был великолепен, Глюков не обманул. Дома и сады, дороги, фонтаны, яркие вывески, какие-то сверкающие дизайнерские излишества и разнообразные здания магазинов, учреждений и офисов. Все это выглядело

новым, богатым и ослепительно красивым. На покинутой Планете таких шедевров не было даже в центре столицы и даже в элитных кварталах богатенького гондванского Сант-Ангелеса. И народ здесь повсюду улыбался, словно был поголовно счастлив.

Сан Саныч бросил на изумленного Пашу горделивый взгляд и самодовольно ухмыльнулся.

— Ну как?

— Здорово, — вздыхая, признал Жутиков.

— А ты не хотел сюда переезжать.

— Я ж не знал...

— Теперь знаешь. Ну как, останешься?

— Конечно. Только... Свету верни.

— Я бы вернул, — Глюков развел руками, — но ее отбил твой Фил.

— В смысле — отбил?! — Паша вскочил на ноги, но грузовик качнуло, и он снова сел.

— Не в том смысле, — Сан Саныч рассмеялся. — Тебе она по-прежнему верна, только до сих пор прозябает в вашем городишке. Но ты не переживай. Устроишься, потом съездишь за ней. Фил вас задерживать не станет. Он ведь демократ.

Глюков скривился и сплюнул.

Жутиков кивнул. Свете в Главном наверняка понравится. Он собирался спросить у Сан Саныча, остается ли в силе предложение насчет особняка в центре, но его отвлек звонок телефона. Паша удивленно обернулся. Солдаты сидели, как и прежде, неподвижно. Да и звонок раздавался из его собственного кармана. Жутиков не помнил, чтобы обзаводился телефоном, но факт оставался фактом — ему кто-то звонил. Он вынул из кармана трубку и приложил к уху.

— Да.

— Паша, это я, — голос Светы был негромким и теплым, будто она нашептывала, сидя совсем рядом. — Помни, зачем ты отправился.

— Я зачем-то отправлялся? — Удивился Жутиков.

— Ты хотел выяснить, в чем секрет Глюкова.

— Да? А разве я не попал в плен?

— Ты сам пошел, поверь мне. Узнай, зачем он собирает всех в Главном, и сообщи мне. Тогда мы с ним справимся.

— погоди, Светик, тут знаешь как здорово! Тебе понравится. Приезжай.

— Жутиков, остановись! — Голос Светы стал строгим. — Глюков нас просто заманивает. Мы зачем-то нужны ему в городе. Помнишь, что говорил Раздражаев про галлюцинацию?

— Раздражаев — это кто?

— Это доктор, который тебя лечит. Ты болен, Паша, лежишь в госпитале, а багровая Земля — твоя галлюцинация. Вспомни!

— Свет, а ты сама, часом, не заболела? — Озадачился Жутиков.

— Дай-ка я, — Глюков неожиданно отнял у Паши трубку. — Девушка, прекратите пудрить жениху мозги! Приезжайте сами и убедитесь, что ничего страшного в Главном нет.

— Глюков, предупреждаю: вам больше не удастся одурманить народ. Лучше сдайтесь.

— Ага, сейчас, — Сан Саныч усмехнулся. — То, что вы увели у меня пару сотен человек и уничтожили своим новым оружием роту солдат, вовсе не означает, что вам светит победа. Все ваши ухищрения бесполезны. Те, кто вернулся к вам, просто не годятся для моих целей! Неудачные экземпляры. А солдат у меня еще миллионы и миллионы.

— Мы нашли против вас средство, помимо винтовок, которыми Фил вооружает ополченцев!

— Иммуноглобулины? Чушь! Ваше средство так же бесполезно, как и винтовки Филя. Оно только приостанавливает продвижение моей армии. На короткое время. Не более того. Так что лучше сами сдавайтесь.

— Бесполезно? Почему же вам не удалось меня захватить?

— Потому, что вы мне не подходите. Мне нужны здоровые и счастливые люди. А вы, сударыня, не прошли мою заочную медкомиссию. Предпочли счастью повседневную серость, острые респираторные болезни, бедность и скуку. Вот и прозябайте, пока не состаритесь.

Глюков хихикнул и вернул телефон Паше.

Жутиков повертел замолкший аппарат и сунул его в карман.

— О чем это вы толковали?

— Да так, научная дискуссия.

— Чего?

— Пospорили немного о том, что нужно человеку для счастья. Вот вам, Павел, чего хотелось бы?

— Не знаю, — санитар пожал плечами. — Умным стать, наверное.

— Всего-то? — Глюков щелкнул пальцами. — Будете. Не пройдет и недели. Город — это широчайшие возможности.

— Что, прямо за неделю можно поумнеть?

— Даже быстрее, если постараетесь.

— Удивительно, — Жутиков недоверчиво хмыкнул.

— Вот вам первый пример, — Сан Саныч многозначительно округлил глаза и указал на Пашу. — До приезда в Главный вы сказали бы «круто!» или «ни фига се!», так? А теперь сказали «удивительно». Прошло пять секунд, а прогресс налицо. Затем-то я и хочу объединить всех в Главном. Я создам в городе идеальное общество из людей, добившихся всего, чего им хотелось, причем без особых усилий. Представляете, как это будет здорово? Счастье, умиротворенность и прекрасные условия для работы. Прогресс зашагает семимильными шагами!

— Прогресс, — Паша посмаковал умное словечко. Теперь он понимал его смысл. И это было странно, но приятно. — Вы что же, получается, волшебник, исполняющий все желания?

— Ну, все не все... Но основные желания людей просты и понятны. Все хотят счастья. В той или иной форме и любым способом: хотят стать богатыми, сильными, красивыми или обрести некие сокровенные знания, кому что нравится. Это я дать могу. Всё, кроме вечной жизни. Но поверьте, Павел, жить вечно — ужасно утомительно. Счастье в том, чтобы прожить свой обычный, человеческий век как тебе нравится. Взгляните вокруг. Все эти люди живут именно так. Поэтому они счастливы. Вы со мной согласны?

— Пока не знаю, — Жутиков еще раз оглянулся. Ближе к центру города людей стало больше, но среди них по-прежнему не было мрачных или недовольных. — А что вы требуете взамен?

— Ничего, я вам уже говорил. Просто жить и работать здесь. Не правда ли, необременительное условие? Разве это высокая плата за счастье?

— Большая клетка, и золотом вы ее покрыли, не скупясь, только безвылазно в городе сидеть — скучно станет.

— Да пожалуйста, путешествуйте! Только недолго и обязательно возвращайтесь, вот и все условия. Ну что, продолжим ваше, так сказать, развитие?

— Согласен, — Паша махнул рукой.

Что он терял, кроме тупости? Ничего. А тупость — вещь, прямо скажем, более чем ненужная, хоть в быту, хоть в работе.

— Водитель! — Глюков пару раз шлепнул по кабине. — Останови вон у того особняка!

Сначала Жутиков никакого особняка не увидел, но когда грузовик остановился, вдоль обочины материализовался красивый кованый забор, за ним ухоженный парк, и, наконец, как бы сам собой возник дом. Двухэтажный, современный, красивый. Он стоял в глубине роскошного парка и буквально манил. Каждым кирпичиком, каждым оконцем. Паша вдруг вспомнил свои давние мечты. Он всегда хотел иметь такое жилище. Не дощатую халупу, как в городке на болоте, а такой вот фамильный замок почти в центре столицы.

Жутиков выпрыгнул из кузова и подошел к забору. Ворота в нем приоткрылись, и невидимый механический привратник произнес: «Добрый день, хозяин». Всё именно так, как и представлял себе Паша. Мечта сбывалась. Дому не хватало только хозяйки, Светы.

Почти счастливый Паша помахал довольному Глюкову и побрел по дорожке к дому. Ах, как тут дышалось! Лучше, чем в Лесах Ветров. Деревья, казалось, вырабатывали две нормы кислорода. Да еще кругом цвели клумбы, наполняя воздух приятными ароматами. Не то что там, на болоте...

Жутиков достал телефон и, игнорируя (теперь он знал и это слово!) цифры, последовательно нажал кнопки, чтобы получилось «Света».

— Я здесь, — ответил мужской голос.

— Ты кто? — Паша напрягся.

— Совковский.

— Чей?

— Директор СБ, — теперь напрягся абонент.

— А Света где?

— Рядом. Слушай, доктор, ты давай там работай, а не мечтай. Народ мрет, как мухи осенью, — голос Совковского был строгим, но директор СБ говорил в нос, будто бы схватил насморк, и Паша не испугался.

— Ты высморкался бы, директор, — Жутиков усмехнулся.

— Похами еще, — буркнул Совковский и чихнул три раза подряд.

— И маску надень, а то заразишь.

— По телефону?

— Ну, если я по вашей версии лежу в отключке, можешь и вправду заразить.

— А-а, все-таки поверил?!

— Тебе нет, Свете — да. Дай ее на связь.

— Получи, — Совковский сказал это нехотя.

— Паша, надо проникнуть в логово Глюкова и разузнать, чего он добивается на самом деле, — Света тоже немного пошмыгивала носом.

— Мне показалось, он не врет. Просто хочет типа империи создать. Но я постараюсь. Теперь полегче будет. Он вроде бы начал мне доверять.

Пообещал умным сделать.

— Что пообещал?

Паша прикусил язык.

— Ничего. Счастья отвесить полную чашу.

— Паша, те, кто получили от Глюкова всё, что хотели — умерли. Это доказанный факт.

— Ничего, я успею. Мне он неделю отмерил. Успею.

Света начала говорить что-то еще, но Жутикова отвлек подозрительный шорох в кустах. Паша выключил телефон и осторожно двинулся на звук.

— Кто здесь?

— Павел, тихо! Это я!

Из зарослей выглянул Фил.

— Ты как здесь очутился?

Санитар скользнул в кусты. Там, среди деревьев и густых кустарников, обнаружилась небольшая полянка, на которой, плотно прижавшись плечом к плечу, расположился целый отряд. Кроме Фила, Паша никого не знал. Это были не ополченцы из городка, а какие-то хмурые типы в полной боевой выкладке. Чем-то они напоминали солдат Глюкова, только униформа на них была не серая, а красноватая. Зато оружие почти такое же.

— Ты где эту бригаду взял? — Жутиков обвел воинство настороженным взглядом.

— Это наши союзники, — пояснил Фил. — Прибыли из Верхнего города. Там высадился их десант. Пока их немного, но для начала хватит. Возьмем дворец, а там будет видно. Может, народ на сопротивление раскачается, а может, еще пара дивизий десанта прилетит.

— Зачем тебе это, Фил?

— Ты что, ничего не понимаешь?! Глюков наш враг!

— Он людей счастливыми делает, — Паша усмехнулся. — Чего кто захочет — то и дает.

— Павел, ты заблуждаешься! Его счастье — блеф! Он просто выжимает из горожан всю жизненную энергию, а затем бросает их на произвол судьбы. Люди после этого гибнут!

— Да не кричи ты. Я все понимаю. А твои десантники, значит, его остановят? — Паша скептически усмехнулся. — И что взамен?

— Почти ничего! Просто отдохнут здесь недельку, сил наберутся, кое-какие технологии на вооружение возьмут да себя слегка усовершенствуют и дальше отправятся.

— Как это — себя усовершенствуют? Они что, не живые, киборги?

— Живые, только не такие, как мы. Другая форма жизни. Ну ты же доктор, должен разбираться. Люди, например, и растения — разные, но живые. Или рыбы и... грибы, микробы...

— И вирусы, — неожиданно для себя самого закончил Паша.

— Ну да, — согласился Фил. — Так и тут. Можешь называть их киборгами или как-то еще. Нам важнее, что они союзники. Выкинут Глюкова из города и войско его прогонят. Народ будет жить свободно и долго, не умирая раньше времени. А счастье сам себе заработает.

— Верно... — Жутиков крепко задумался. Над чем, он пока не понимал, но что-то его тревожило, какое-то предчувствие озарения.

— Ты к нему в доверие втерся, так? — Вдруг спросил Фил.

— Да, но из чисто тактических соображений, — у Жутикова захватило дух, настолько легко ему далась такая сложная формулировка.

— Я так и понял, — Фил радостно потер руки. — Поступим следующим образом. Ты пойдешь к нему во дворец на прием — дело придумай какое-нибудь неотложное, — а мы за тобой. Нейтрализуем охрану и возьмем гада тепленьким!

— Сомневаюсь, — Паша покачал головой. — Он ещё тот фокусник. Раз — и нет его, а потом два — и снова есть.

— Ничего, справимся.

— Справимся... — Жутиков еще раз обвел взглядом невозмутимых десантников. — А чего ты их нашими винтовками не вооружил?

— Им нельзя. От нашего оружия они сами погибнуть могут. Да они и так справятся. Глюковские солдаты от них знаешь, как драпают? Просто глаз радуется.

— Странные союзники, — засомневался Паша. — Как бы хуже не получилось.

— Куда хуже-то? От глюковского счастья народ умирает, а эти ребята только поквартируют маленько, да и улетят.

— Не накладно будет такую ораву кормить бесплатно?

— Накладно, — согласился шериф. — Но ведь всего неделю. А сколько пользы! Выгодная сделка, точно тебе говорю.

— Ну, раз так, пошли...

...Резиденция Глюкова выглядела внушительно. Огромный дворец с золотыми крышами и витражами, множеством разнокалиберных башенок и зеркальными дверями. В целом, на вкус Жутикова, довольно странное было сооружение, но все равно внушительное. Дверей Паша насчитал восемь. Он выбрал самые широкие, украшенные по косяку золотыми завитушками. На стук никто не откликнулся. Тогда Жутиков толкнул левую створку, и она подалась.

В огромном холле было прохладно и пусто. Никаких предметов обстановки, если не считать пары длинных кожаных диванов и красивого фонтана. Прохладой веяло именно от него.

Паша повертел головой — никого — и подал знак замершим в проеме десанникам. Первым в резиденцию проскользнул Фил. Он воинственно выставил перед собой оружие, но стрелять было не в кого. Никакой охраны или серых солдат. Фил разочарованно пошмыгал носом и знаками приказал десанникам рассредоточиться.

— Неужели сбежал?

— Я же тебе говорил, он хитрющий тип, — Паша кивнул. — Сейчас сидит где-нибудь за сто километров отсюда и посмеивается.

— Что, Фил, прокололся? — Откуда-то с потолка прилетел ехидный смешок.

— Глюков, выходи, поговорим! — Фил сверкнул глазами.

— О чем? Нет у нас общих тем для беседы. Ты к тому же соплями захлебываешься, а я инфекции боюсь.

— Инфекции... — эхом повторил Паша.

— А сам ты кто?! — Прорычал шериф. — Ты же сам хуже заразы!

— Я, Фил, культурная зараза. У меня все красиво и аккуратно. Люди сыты и счастливы. А вот что можешь дать народу ты и твои союзники?

— Мы свободу людям дадим!

— А она им нужна? Им спокойствия и «сбычи мечт» охота, а не свободы. Э-эх, демократы неблагодарные! Я вам тут устроиться помог, жизнь наладил, а вы интервентов на меня натравливаете. Стыдно!

— Ты устроиться помог? — Заинтересовался Жутиков. — Разве тут до нас ничего не было? Ну, всех этих городов и прочего наследства исчезнувшей земной цивилизации?

— Земная цивилизация! — Глюков фыркнул. — Павел, опомнись! Разве ты до сих пор не понял, где находишься? Разве бывают планеты без солнца, с красным небом, или деревья, которые напоминают что угодно, только не растения. Разве могут реки течь толчками, словно кровь по артериям? А вспомни болота и пасущихся на них странных животных.

— Ишаков? — Жутиков напрягся и вспомнил другое название. — Ишерихий?

— Вот именно. Это бактерии, которые помогают перерабатывать остатки пищи в кишках, — Глюков вздохнул. — А шоссе, похожие на натянутые нервы, и есть нервы! И еще Рабочий город вспомни,

четырёхкамерный, в котором земля ходит ходуном, но в строгом ритме — сто двадцать толчков в минуту.

— Как пульс у лихорадочных больных, — прошептал Паша.

— Доходит?

— Понемногу, — признался Жутиков. — А Леса Ветров...

— А в Лесах Ветров ветер дует то туда, то обратно, причем равномерно. И направление меняет двадцать раз в минуту.

— Сердце и легкие? — догадался Паша. — То-то я мучился, что мне это напоминает? А коричневые горы издалика, как печенка...

— Она и есть.

— А Главный город — это... мозги?

— Действительно доходит, — констатировал Сан Саныч. — Вся ваша Земля внутри вас, олухи! Я виртуально воссоздал ваше внутреннее устройство и внушил вам, остолопам, что это и есть родина предков.

— То есть мы живем внутри... себя? Все эти Отводящие реки и притоки — это сосуды, дороги — нервы, горы — мышцы и так далее?

— А деревья — ворсинки слизистой оболочки в кишечнике, — добавил Глюков. — А что я еще мог придумать? Я же не знал, как выглядит ваша вожденная Земля на самом деле!

— Но что означает переселение всех людей в Главный? Зачем?

— Затем, — обиженно буркнул Глюков. — Чтобы никто из вас не пытался от меня сбежать.

— Нет, ты не увиливай! Зачем тебе заставлять нас всех работать в одном месте? Что ты хочешь соорудить из наших воспаленных мозгов? Коллективный разум?

— А ты против? Это, заметь, не только для меня полезно. Ты вот умнеешь на глазах, да и другие довольны.

— Умнею, это верно, — Паша незаметно запустил руку в карман.

— Но дело не в ваших мозгах. Из них никакого единого разума не составишь. Мне просто надо, чтобы вы подольше оставались на Земле. Чтобы я успел создать достаточное количество собственных частиц. Размножиться, грубо говоря, до состояния полноценного мыслящего организма.

— А солдаты твои, получается, те самые вирусы, которыми ты нас заразил? Частицы твоего распыленного пока организма? Они внутри нас, значит, размножатся, а когда их станет достаточно — создадут единую империю. И ты станешь в этой империи главным, так?

— Объясняешь тебе, объясняешь... Я не главным стану, Паша, а самим собой. Пока я в виде жалкого миллиона замороженных вирусов, я никто. Внутри отдельных людей я тоже немного могу — Фил меня потому и гонял, как шавку, пока космолеты не сели обратно на Планету, да люки в них не открылись. А вот когда врачебные бригады начали из корабля в корабль перебегать да всех больных в одни больницы свозить, тогда мои частицы хорошенько размножились, и пришла пора стать единым и непобедимым. Почти.

— Вот именно — почти, — согласился Паша и указал на десантников. — Эти ребята тебя быстренько победят. Ты же от них спрятался? Боишься?

— Дикари! — Фыркнул Глюков. — А ты не спрятался бы, если б стоял на пути у стада несущихся во весь опор бизонов? Я ведь не просто разумное вирусное облако, я тонко организованное существо. А они как раз обычная безмозглая инфекция. Ваша, так сказать, «человеческая, одомашненная».

— Может, и безмозглая, зато наша, — Жутиков достал телефон. — Алло, Света!

— Да, — тут же ответила Светлана.

— Посмотри на меня, как я выгляжу?

— Ты... вроде бы по-прежнему. Только, по-моему, нос у тебя заложен.

— Так я и знал! — Жутиков торжествующе взглянул на Фила. —

ОРВИ! Насморк обыкновенный!

— Ну, продуло, я же говорил: зима, сквозняки... — Фил достал платок и смущенно высморкался.

— Да здравствуют сквозняки! — Паша рассмеялся и хлопнул Фила по плечу. — Кранты Глюкову! Он со своей тонкой организацией и суток не продержится. Изгонят его наши сопливые вирусы. Напрочь! Пинком под зад! Да здравствует насморк! Эй, Раздражаев, вытягивай меня обратно!

— Жутиков, скажешь им хоть слово, я тебе все мозги выжгу! — Взволнованно крикнул невидимый Глюков. — Таковую тебе персональную ядерную войну внушу, забудешь, как тебя зовут!

— Плевать мне на твои внушения, — Паша усмехнулся. — Перехитрил ты, Сан Саныч, сам себя. Не надо было меня умным делать, Гудвин ты наш чужеземный. Теперь тебе остается только собирать манатки и уматывать, откуда пришел. Иначе тебя и твоё войско этот вот десант под корень изведет.

— Куда им, дикарям, — буркнул Глюков. — Меня нельзя извести. Только вытеснить можно. Да и то на время. Не вечно же вы будете грипповать. Так что до встречи, Павел. Впрочем, я обещал тебе прощальный подарок. Получи!

— Раздражаев, прививку! — Послышался далекий голос Светы из мало мощного телефонного динамика. — Скорее, иначе он его убьет!

— Кто кого? — Недовольно продребезжал Раздражаев. — Да ввожу я, ввожу. Успокойтесь!

Телефон вдруг выключился, а здание глюковской резиденции сотряс мощный удар. Паша увидел, как оседает потолок и рушатся стены. А еще он почувствовал сильный толчок в спину — это подоспел Фил. Сцепившись, как два борца, Паша и Фил вывалились на улицу, где мгновенно убедились, что Глюков держит свое слово. Со всех сторон Главный окружало кольцо бушующего огня. Над городом носился нарастающий вой сирен, а по площади перед дворцом металась перепуганная толпа. Красное небо заволочили черные клубы дыма, но даже сквозь эту завесу было видно, что над той частью города, где располагался домик Пашиной мечты, выросло огромное грибовидное облако.

Волна огня достигла центра города и смела все его красоты. Когда тугой, горячий фронт был уже совсем рядом, Жутиков задержал дыхание и крепко зажмурился. На секунду стало ужасно горячо, а затем...

7.

Паша с трудом открыл глаза и обвел мутным взглядом склонившихся над ним врачей.

— Живой, — с облегчением выдохнул Раздражаев. — И температура упала. Теперь всё будет в порядке.

— Высокая была... температура? — Жутиков облизнул пересохшие губы.

— Почти сорок один градус. Еще немного — и спекся бы, как буженина в духовке. Хорошо, что я успел тебе прививку сделать.

— Нет, не потому я вернулся... — Паша нашел взглядом Свету. — Совковский не заболел?

— Кроме нас, все здоровы.

— Точно здоровы?

— Ну, не считая насморка, — из-за плеча Раздражаева выглянул директор. — Это всё полицейский. Он в дверях дежурил, на сквозняке, вот и простыл. А потом и нас... обчихал.

— А мы со Светой в это время народу литическую смесь вводили, — припомнил Паша. — Вот вам и ответ, почему некоторых прививка спасала, а некоторых нет.

— Не понимаю, — признался Раздражаев.

— Все эти наши лекарства не в состоянии победить инопланетный вирус... — Жутиков принял из рук Светы стакан с водой и напился. — Этот вирус нельзя уничтожить, но его можно вытеснить. Только так. Десантом из Верхнего города.

Он слабо улыбнулся и указал на сопливый платок в руках Совковского.

— Насморком? — Изумился Раздражаев.

— Для Глюкова это не насморк, а реальный противник. Да не просто противник. «Человеческие вирусы» — даже те, что для нас не опасны, — для него как тупые дикие звери, непредсказуемые и многочисленные. Вроде стада бизонов. Или орды дикарей. Поэтому, чтобы не сталкиваться с ними, он обычно убегает. На кораблях были стерильные условия и человеческих вирусов почти не осталось — все космонавты перед полетом проходили обследование, — были только глубоко скрытые, у отдельных людей. Вот эти-то не вполне здоровые личности и выжили после третьей атаки. А в организмах абсолютно здоровых людей пришелец размножился беспрепятственно.

— Это многое объясняет, — задумчиво сказал Раздражаев. — Кроме главного — почему все видели одинаковые галлюцинации?

— С этим еще проще, — Паша высморкался. — Инопланетные вирусы создают коллективный разум. Он и внушает своим «инкубаторам»

одинаковые приятные видения. Чтобы те, если вдруг очнутся, захотели не вылечиться, а болеть дальше.

— Ни фиги себе! — Прогундосил Совковский.

Жутиков ухмыльнулся каким-то своим мыслям или воспоминаниям.

— Именно так. Этот Глюков, он же обобщающий фактор онейроида, на самом деле — натуральный пришелец. Только состоящий из триллионов особых вирусных частиц. Как он — или «они», если угодно, — проник на корабли, еще предстоит выяснить, но не требует доказательств тот факт, что целью пришельца было объединение всех своих размножившихся компонентов в мыслящую структуру. В этакую думающую эпидемию. Потому-то «Колонисты» вернулись – пришелец заставил капитанов это сделать, ведь в изолированных кораблях он был разорван на триста девяносто частей и соединиться в полноценный организм мог лишь на Планете.

— Погоди, а почему не на Земле? — биолог недоверчиво помотал головой. — Зачем было возвращаться?

— Наверное, потому... что нет никакой Земли.

— Как это нет?

— А это вы спросите у самого Глюкова, — предложила Света. — Или у президента Пустотелова. Ведь это его компания устроила массовую истерию на тему найденного пути на Землю. С заявления менеджеров «Космос плюс» всё началось, я точно помню.

— Снова заговор! — Совковский добавил невнятное ругательство. — Поправьте, если ошибусь. Федор договорился с этим Глюковым и понастроил кораблей, чтобы подельник мог безнаказанно, и не опасаясь конкуренции «диких» вирусов, заразить как можно больше народа. То есть, один гад заработал все деньги Планеты и стал ее хозяином, а другой получил инкубаторы для развития. Правда, под занавес пришелец нарушил договор — вернулся, чтобы собрать свое вирусное тело в единую структуру, но, слава богу, не преуспел. Он-то рассчитывал, что мы свезем всех больных в один стерильный госпиталь, где, как и на кораблях, кроме пришельца другой заразы не будет, а мы начали их лечить на месте, да еще кого попало в санитары наняли.

— Правильно, — согласился Паша. — Насчет заговора не в курсе, докапываться до истины — ваша специальность. А в остальном всё верно. Когда мы откупорили корабли, пришелец тут же начал расти и набирать силу. И всё у Глюкова получилось бы, но санитарные бригады пришлось комплектовать подвальной братией, а она поголовно чем-нибудь, да больна. «Обчихали», как вы сказали, космонавтов санитары. Вот и сорвался глюковский план воссоединения — «переселения в Главный город»... насморк помешал.

— Грипп на службе здоровья, — изрек Раздражаев. — Парадокс... но какой удачный!

— Смертельная болезнь и счастье, — тихо добавила Света, — чтобы никто не искал способа вылечиться... как он хитро придумал.

— Да, — Жутиков улыбнулся. — Только Глюков не учел, что счастье у каждого свое. У кого-то это деньги, у кого-то любовь, а у некоторых — любознательный ум. На том Сан Саныч и погорел.

* * *

Силы после болезни были не те, и Паша внял увещеваниям Раздражаева — не вставать с постели хотя бы до завтра. Света постоянно находилась поблизости, и Жутиков был готов валяться вечно. К тому же теперь ему было о чем поразмыслить. А главное — чем! Спасибо Глюкову. Каким бы он ни был гадом, польза от него все-таки нашлась. Хотя бы выжившим. Впрочем, не всем, а только тем, кто сделал там, в багровом мире «Земли», правильный выбор. Ведь те, кто затребовал у пришельца виртуальное богатство, унести его с собой не смогли. А вот любовь и ум сохранились. Ну, тут уж ничего не поделать. Надо было думать, о чем просишь, сразу определяться, в чем же настоящее счастье: в деньгах или в умении хорошо соображать.

Жутиков вспомнил, насколько тяжело давались умственные упражнения до болезни, и посочувствовал самому себе. Теперь думать было вовсе не утомительно и даже интересно. Паша всего лишь пялился в окно, но при этом видел совсем не то, что прежде. И не в том было дело, что космодром кишел разношерстным людом, раньше не подпускавшим к закрытому объекту на пушечный выстрел. Просто теперь Жутиков не отвлеченно созерцал, а наблюдал и отчетливо осознавал, что же он видит.

Добровольные помощники выносили из кораблей носилки с больными, специальные группы людей в зеленых бумажных масках капали им в нос из пипеток растворы с вирусами легких респираторных заболеваний — их срочно доставили из вирусологических лабораторий, — а санитарные бригады развозили выживших по клиникам. Кроме профессиональных медиков, весь народ был полон энтузиазма. За время от начала похода к звездам безлюдье изрядно наскучило оставшимся на Планете «невезунчикам». Поэтому возвращение несостоявшихся колонистов они восприняли не как восстановление вселенской справедливости, а без злорадства, снисходительно и даже со вздохами облегчения. Врачи же и медсестры выглядели озадаченными. Им впервые приходилось не лечить от насморка и легких форм гриппа, а заражать ими.

Паша откинулся на подушки и прикрыл глаза. Света погладила его по руке и бесшумно вышла. Жутиков был уверен, что ненадолго, и потому спокойно задремал...

...Ему снились развалины глюковского дворца, вокруг которых бродили растерянные, чумазые «колонисты» и колесили бронетранспортеры «десантников». Первые постепенно убредали за пределы города, где их поджидал эвакуационный транспорт новых хозяев Земли, а вторые упрямо обстреливали развалины, выкуривая из них последних серых бойцов.

— Скотина ты, Паша, все-таки, — прогундел из развалин главной дворцовой башни знакомый голос. — Я тебя почти Эйнштейном сделал, а ты как меня отблагодарил?

— А по-твоему, я должен был за неделю сочинить новую теорию относительности и отбросить копыта? — Жутиков усмехнулся и сел на опрокинутую дырявую бочку. — Нашел дурака!

— Вот именно, — Глюков выбрался на свет и отряхнул перепачканный сажей генеральский мундир. — Нашел дурака, сделал его гением и поплатился за свою доброту. И что вы за существа такие — люди?!

Сан Саныч огорченно сплюнул.

— Нормальные существа. Жизнелюбивые. Ты-то вон тоже не дурак пожить. За чужой счет.

— Я и не спорю, — согласился Глюков, усаживаясь рядом. — А кто живет иначе? Вы животных поедаете, растения, грибы, рыбкой полакомиться не прочь. Я иначе существую, но по большому счету — примерно так же. Ничего противоестественного. Обычное дело. Всё в рамках законов природы. А вы меня изгонять! Как беса какого-то. стыдно!

— Было бы стыдно, да только слишком уж ты зловредный. Хуже гепатита. Сколько народу полегло в твоих «природных рамках», ты считал?

— Нет, ну это же издержки! А сколько я хорошего вам сделал? Сколько людей счастье обрели? Ты считал?

— А на кой хрен нам такое счастье? Неделю ты в nirване, а потом в могилу. Гнилое какое-то счастье получается, обманчивое.

— А оно другим и не бывает, Паша. Просто в обычной жизни вы его кусками получаете, вперемежку с горем, вот вам и кажется, что оно из чистого золота. Из-за контраста. А если его оптом получить, да рассмотреть хорошенько...

— Возможно, — Паша пожал плечами. — Но теперь это не важно. Вопрос решен. Мы сами по себе будем счастье ковать, а ты сам по себе. И где-нибудь на другой планете. Иначе мы тебя не просто «инкубаторов» лишим, а еще и вовсе изведем. Уж поверь, на каверзы да коварные придумки люди большие мастера.

— Да знаю уже, — Глюков уныло поковырял носком сапога остывшие угли. — Хотя меня в состоянии спячки даже космос не берет. Со всеми его абсолютными нулями и радиацией.

— Моё дело предупредить, — Жутиков развел руками. — Дальше ты сам думай. Ещё можешь или уже распался твой коллективный разум?

— Пока могу... — Сан Саныч встал, поправил на левом плече эполет и напялил на голову треуголку. — Ладно, Павел, пойду, пожалуй.

— Иди, иди, Наполеон несостоявшийся, — Паша махнул рукой. — И чтобы больше на Планету ни шагу, ни чиху!

— Да понял я, чего ты ехидничаешь?

Паша проводил его взглядом, и когда фигура Глюкова почти исчезла в сером дыме, клубящемся над развалинами, вдруг вспомнил, что не спросил о главном.

— Глюков! Сан Саныч! Эй, грипп межзвездный, постой!
— Чего еще? — Донесся голос из-за дымовой завесы.
— А Земля есть? Настоящая, с желтым солнцем и синим небом? Если б ты не вернул космолеты, долетели бы они до прародины человечества?
— Нет, Паша... если б не вернул, не долетели бы.
— Это как понять?
— А как хочешь, так и понимай, — Глюков напоследок по обыкновению мерзко хихикнул и умолк.
Жутиков еще пару раз его окрикнул, но ответа так и не дождался. Ни на окрик, ни на вопрос.

* * *

Михал Михалыч Раздражаев поежился от прохладного осеннего ветра и перевернул виртуальный газетный лист. Заголовки на обороте были не мельче, чем на первой полосе.

«...Финал звездной лихорадки: всех, кого успели, вылечили!..»

«...Первые выжившие после вселенской эпидемии возвращаются на свои рабочие места...»

«...Врачи утверждают, что жизнь вернувшегося на «Колонисте-103» президента Хорошеева вне опасности...»

«...Временный президент Федор Пустотелов обвиняется в сговоре с пришельцами!..»

«...Партия патриотов Планеты с честью выполнила свой долг и теперь распущена...»

«...Интервью с доктором Павлом Жутиковым и его супругой: никакой я не особенный, так уж получилось. Он простой, скромный гений, — возражает жена доктора, очаровательная Светлана...».

Раздражаев отложил газету и проверил наживку. Клевало скромно, хотя это место биолог «прикармливал» два дня подряд. В экологической экспедиции наступила пауза. Пробы воды и грунта были отправлены в лабораторию, и пока не придут результаты, можно было рыбачить, судачить, дрыхнуть — кому что нравится. Михал Михалычу нравилось первое. Сидеть с удочкой на берегу чистейшего озера, неторопливо листать газеты и слушать тишину. Натуральное счастье.

Впрочем, как доказал доктор Жутиков, с этим понятием не всё так просто. Мало того, что счастье у каждого своё, так оно ещё и лечится.

Раздражаев наживил свежего червяка и снова забросил удочку.

— Михал Михалыч! — Из вагончика с аппаратурой связи выпрыгнул лаборант. — Подтвердилось! Здесь его полно! Везде! Особенно на дне, в иле!

— Да? — Раздражаев загадочно улыбнулся и склонился над прозрачной водой. — Глю-юков... при-вет! Мы тебя нашли!

Он сделал своему отражению ручкой. Отражение внезапно исказила мелкая рябь. Оно будто бы недовольно поморщилось.

«Нашли они меня. Искатели. Как будто я прятался! Подумаешь, взял передышку после изгнания. Чего вам было напрягаться-то? Искать меня,

воду на анализы возить. И что дальше? Кипятить будете? Людишки! Ничего, наступит еще мой звездный час. На пять-шесть ваших поколений придется затаиться, а там вы обо мне забудете и снова начнете бороться со своими дикими друзьями-вирусами. А тут я, как живой! Привет, давно не виделись! Так и будет. А что, мне не трудно. Подожду век-другой, когда вы бдительность потеряете».

Раздражаев внимательно выслушал неожиданно выплывший из подсознания монолог и отложил удочку. Лаборант удивленно выпучил глаза. Руководитель экспедиции разделся до трусов и, напевая «будь простужен, если хочешь быть здоров», полез в ледяную воду.